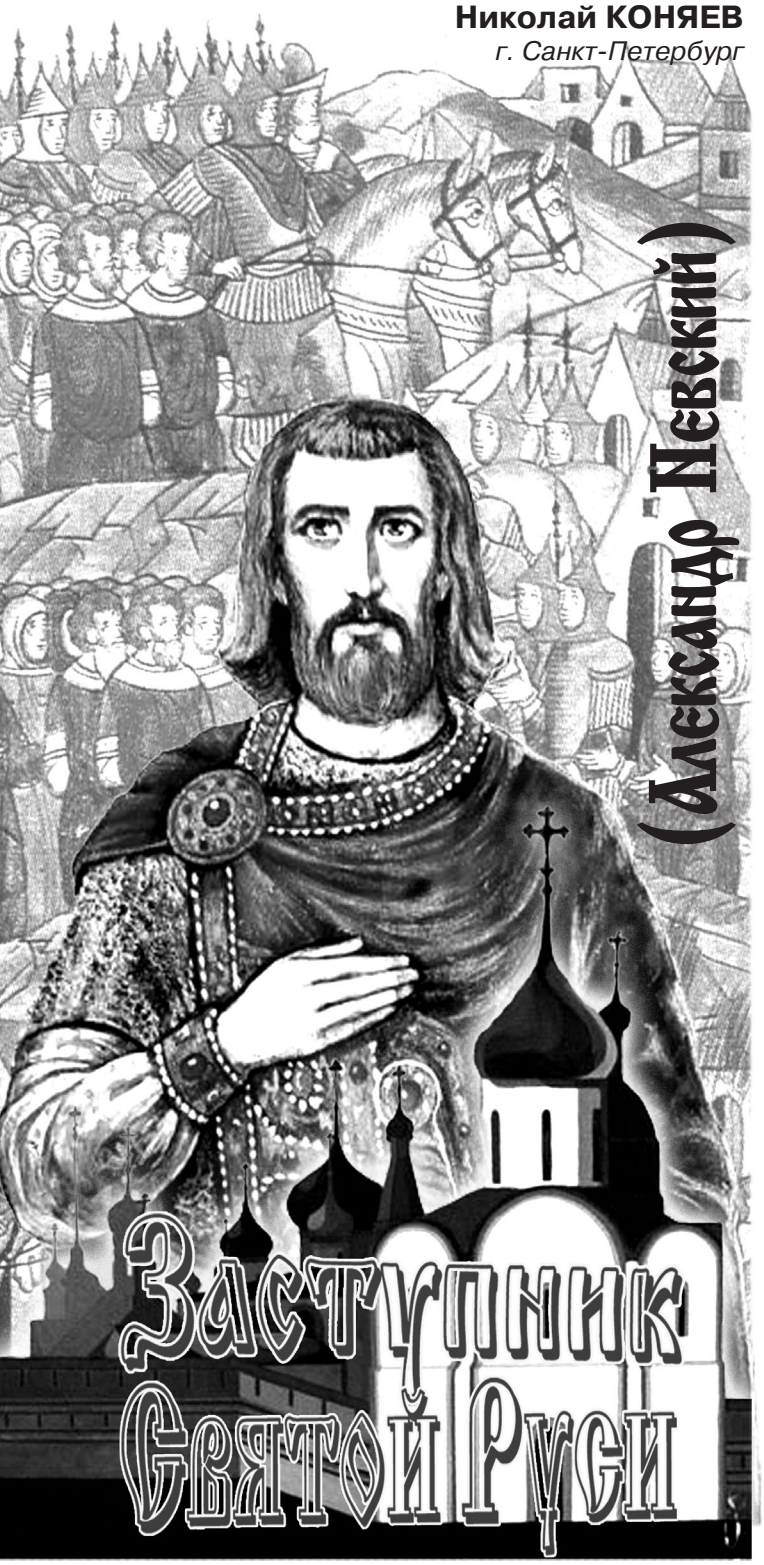
Николай КОНЯЕВ
г. Санкт-Петербург



Глава пятая

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

Дивно бо видети, како непобедимый воитель смиренно преклоняет главу свою пред неверными, ихже посла Господь на люди своя ради грех их: диво же есть и воспомянути непобедимое смирение твое, блаженне Александре, имже и Господеви благоугодил еси, и люди своя спасл еси…

Акафист Александру Невскому. Искос седьмой

«Житиям святых всегда соприсуща великая умиротворенность. Постепенное восхождение к Богу и подвиги уводят от суеты жизни. Все внешнее в жизнеописании подчинено внутреннему. Поэтому от самих житий веет тишиной пустыни или келий, постоянным богозрением и богообщением. Иное житие Святого Александра Невского. В нем постоянный и утомляющий шум сражений, зарево пожаров, набат вечевого колокола, происки бояр, усобицы, вторжение врагов через все рубежи. Его имя иногда начинает теряться среди других имен, мест и событий. В его внешней жизни нет покоя. Он то на коне, то во владычных палатах, он отражает врагов, умилостивляет ханов, строит церкви и города, подавляет мятежи…»

К этим словам Н.А. Клепинина можно добавить, что именно потому так и поучительно для нас Житие святого благоверного князя, что святость эта осуществляется не в сосредоточенном уединении, а в толчее и круговерти реальной жизни.

Пути, которые открывались Александру Невскому благодаря духовным, молитвенным прозрениям, необходимо было еще и реализовать в суровой практике политической жизни. При этом и монгольские ханы, и ближайшие родственники князя, включая родных братьев, никакой помощи в реализации задуманных планов не оказывали.

Более того… Александру Невскому сразу пришлось столкнуться с активным противодействием их.

1

Напомним, что из Каракорума Александр Невский возвратился Великим князем Киевским. Брату его, Андрею Ярославичу, татары отдали Великое княжество Владимирское.

---

[1] Окончание. Начало см. в №3-4

В принципе, можно считать, что в соответствии с русской великокняжеской традицией Александр Невский был поставлен на более высокую ступень, нежели его младший брат Андрей. Однако если мы вспомним, что вот уже целое десятилетие политические отношения между северными и южными русскими жителями были по существу прекращены и Ярослав Всеволодович ограничивал свое киевское княжение лишь посылкой в Киев воеводы Дмитра Ейковича, то окажется, что новое звание Александра Невского заключало в себе много декоративности и очень мало реальной власти. Вероятно, поэтому Александр Невский после возвращения из Каракорума в Киев так и не поехал, а остался княжить в северо-восточной Руси.

Можно предположить, что таков и был общий план устроения будущего государства. Александр Невский, как старший брат, получал высшую власть в нем; его брат Андрей – владимирскую часть государства; младший брат, Ярослав, – тверскую. Вокруг этой оси Владимир – Тверь – Новгород и должна была выстроиться единая Русь уже в составе монгольской империи.

Приводить какие-либо аргументы в пользу этого предположения бессмысленно, потому что реализовать подобный замысел в тогдашней системе внутрирусских политических отношений оказалось невозможно. Братья Александра Невского не сумели подняться над своими удельными представлениями и пристрастиями и так и не осознали положения, в котором оказалась после татарского нашествия страна. Решая собственные проблемы, движимые личным властолюбием, они готовы были продолжать прежнюю губительную для Руси политику. Ничему не научили их жестокие, преподанные татарским нашествием уроки.

Логическим и неизбежным итогом этого стали трагические события 1252 года.

Из обилия разрозненных, не всегда согласующихся друг с другом источников[25] вырисовывается печальная картина первого антимонгольского выступления, предпринятого Андреем Ярославичем и Ярославом Ярославичем в обход старшего брата.

Инициатором и духовным вдохновителем этого самоубийственного лично для братьев Александра Невского и губительного для всей Руси шага был тесть Андрея Ярославовича – князь Даниил Галицкий.

Итог оказался прискорбным.

В начале лета 1252 года Андрей и Ярослав оказались разгромлены в сражении при Переяславле татарской ратью Неврюя.

«Господи! – восклицает Андрей в Никоновской летописи. – Что есть доколе нам межь собою бранитися и наводити друг на друга татар, лутчи ми есть бежати въ чюжюю землю, неже дружитися и служити татаром».

Разгромленный татарами у Переяславля, Андрей бежал в Новгород, затем в Псков, откуда, дождавшись жены, перебрался в Ревель, а из Ревеля – в Швецию. А вот Ярославу после сражения под Переяславлем спасти свою семью не удалось. Жену его убили татары, а детей забрали в плен. Сам Ярослав больше года укрывался в Твери, а затем мы видим его в Новгороде, где он с помощью настроенной против Александра Невского ананьевской группировки бояр занимает новгородский престол, согнав с него князя Василия, сына Александра.

2

Обвинение Александра Невского в организации карательного набега ордынского царевича Неврюя выдвинул еще в XVIII веке Василий Никитич Татищев в своей написанной «древним наречием» истории.

Александр Невский, утверждалось там, якобы жаловался сыну Батыя Сартаку на своего брата Андрея за то, что тот «сольстив хана, взя великое княжение под ним (Александром), яко старейшим… и тамги хану платит не сполна».

На чем, на каких источниках основано это обвинение, неведомо.

Можно предположить, что В.Н. Татищев пользовался какими-то неизвестными нам летописями, хотя это и маловероятно. Большинство исследователей утверждает, что даже ссылки на известные нам источники у Василия Никитича последовательно мистифицированы. Однако даже если и допустить маловероятное предположение, все равно следует помнить, что В.Н. Татищев в своей «Истории Российской» почти никогда не разделял летописи и собственные суждения, и разобрать, что в его истории принадлежит древнему летописцу, а что является вымыслом автора, практически невозможно.

Тем не менее уже во второй половине XIX века обвинение, выдвинутое Василием Никитичем Татищевым против Александра Невского[26], оказа-

лось востребованным либерально настроенными историками. В.О. Ключевский, как мы уже говорили, предпочел вообще не упоминать в своей истории Александра Невского. Зато С.М. Соловьев просто процитировал В.Н. Татищева, описывая события 1252 года. С.М. Соловьева, разумеется, можно упрекнуть за излишнюю доверчивость, проявленную по отношению к татищевскому тексту, но в описании: «Александр получил старшинство, и толпы татар под начальством Неврюя вторгнулись в землю Суздальскую» – поведение Александра Невского не выводится за рамки поведения других русских князей того времени.

Другое дело либеральные историки XX века…

Обуянный русским либеральным патриотизмом, английский историк Джон Феннел, например, прямо назвал святого благоверного князя Александра Невского предателем дела освобождения Руси.

«Настало время реальной зависимости Руси от Золотой Орды, которое продолжалось еще в течение ста с четвертью лет, – пишет он. – Так называемое татарское иго началось не столько во время нашествия Батыя на Русь, сколько с того момента, как Александр предал своих братьев».

Любопытно отметить, что сугубо научная книжка Джона Феннола «Кризис средневековой Руси» была издана у нас в 1989 году в издательстве «Прогресс» тиражом аж 30 000 экземпляров! То, что накануне развала СССР на эту книгу возлагались особые надежды наших либералов, свидетельствует развернувшаяся тогда кампания по превращению национального героя в предателя интересов своей страны.

«Александр Невский… Герой, святой, наше знамя… – сокрушался небезызвестный Ю.Н. Афанасьев, столь плодотворно потрудившийся на ниве разрушения нашего государства. – Он сказал татарам: я вам соберу дани больше, чем вы сможете. Но за это подмогните побить моих соседей. Подмогли и побили. И дали ему титул великого князя. Он начал действовать в союзе с татарами против других князей: наказывал русских – в том числе и новгородцев – за неповиновение завоевателям, да так, как монголам даже не снилось (он и носы резал, и уши обрезал, и головы отсекал, и на кол сажал).

Особое огорчение у Ю.Н. Афанасьева вызывало тогда сознание, что никакие перефразы из Джона Феннола не способны пока сокрушить народный образ святого благоверного князя.

«Сегодняшнее мифологическое сознание воспримет известие о том, что князь фактически являлся «первым коллаборационистом», – печалился он, – как антипатриотическое очернительство».

Чтобы противодействовать этому «мифологическому сознанию», новые господа-товарищи Покровские решили навалиться на Александра Невского всей своей либеральной массовкой.

И, может быть, и не стоило бы столь подробно останавливаться на всех наветах, воздвигнутых нашей «передовой» общественностью против святого князя в конце восьмидесятых–начале девяностых годов прошлого века, но в ходе этой кампании все сомнительные домыслы и нелепые предположения оказались возведены в общественном сознании в ранг непререкаемой истины.

«Что не удалось Батыю, оказалось по плечу «защитнику русской земли». Вскоре «порядок» был наведен. Ярмо на шею русскому народу благодаря героическим усилиям великого «освободителя» от крестоносного ига… князя Александра Ярославича водружено», – писал, например, И.Н. Данилевский, откровенно заменяя научную аргументацию повтором уже много раз озвученных обвинений.

3

Между тем, если не считать «суждения» В.Н. Татищева, все обвинения Александра Невского в организации карательного похода татар на Русь строятся на фактах, позволяющих различно трактовать их.

Речь идет и о посещении Александром Невским в 1252 году Сарая, и о назначении его великим князем Владимирским.

Ну, во-первых, нет никаких достоверных известий, когда, до или после карательного похода Неврюя, состоялась поездка Александра Невского в Сарай. А во-вторых, не будем забывать, что одновременно с войском Неврюя была послана рать Куремсы на Даниила Галицкого, и значит, кампания, ставящая целью пресечь создание антимонгольской коалиции, планировалась задолго до появления в Орде Александра Невского…

Думается, что карательный поход Неврюя состоялся бы безотносительно от позиции, занятой Александром Невским, и если он и участвовал в

этом конфликте, то не карателем, а как стремящаяся смягчить монгольский удар сила.

Нет никаких оснований, мешающих нам предположить, что и великое княжение Владимирское являлось для Александра Невского не самоцелью, ради которой он якобы и наводил татар на Русь, а только средством спасения поставленной на краю пропасти Суздальской Руси.

И все-таки главное не в этом.

Александр Невский – святой князь.

Безусловно, он не одобрял самочиния младших братьев; бесспорно, его беспокоила предпринятая по наущению Даниила Галицкого попытка свернуть Русь с того пути, который, как представлялось Александру Невскому, был определен для нее Богом; наверное, его возмущало самоуправство младшего брата Ярослава, хозяйничавшего в Переяславском княжестве…

Принципиально важное качество характера святого князя – его братолюбие.

Прямое подтверждение этому – дальнейшая судьба его братьев.

Как известно, после поражения от Неврюя князь Андрей бежал в Швецию к исконным врагам северо-западной Руси и был там, как пишет С.М. Соловьев, «с честью принят».

Но вот проходит несколько лет, и Александр Невский возвращает его из политического небытия. Вернувшись из Швеции, Андрей отлучает от Александра вотчины в Суздале и Нижнем Новгороде.

Сам по себе факт возвращения к власти соперника – событие не столь уж и частое в политической жизни, и, конечно, оно было бы невозможно, если бы Александр Невский действительно организовывал карательный поход, чтобы свергнуть брата с Владимирского престола.

Кроме того, в данном случае Александр Невский шел еще и на серьезный риск. Примирение с мятежником могло осложнить его отношения с татарами. И в самом деле, прошло два года после возвращения Андрея в Суздаль, прежде чем княжение его благодаря дипломатическим усилиям старшего брата было узаконено Ордой.

Зачем нужно было это Александру Невскому?

Ответ на этот вопрос можно найти, только если мы вспомним, что и в княжеском служении, и во всей внутренней и внешней жизни Александра Невского отличал глубокий, подлинный реализм Православия в жизни духовной и земной.

Н.А. Клепинин справедливо отмечал, что главным для князя всегда было его служение: польза вверенной ему земли, и «никакое отвлеченное понятие славы или чести не затмевало для него реальности этого служения и реальности жизни со всеми тяготами. Александр Невский никогда не пытался делать невозможного ради своей чести, даже ради чести своей земли… Он был выше всех его окружавших и не боялся уступать им, не упорствовал в малом и не втягивался в мелкие происки политической борьбы. Мелочи жизни никогда не затмевали для него главной цели. Он шел путями, которые были реальны и возможны. Эти пути были для него второстепенными, а служение – главным».

И в это служение вовлекал Александр Невский и своих, кажется, навсегда погибших для Руси братьев.

Хотя и плохими помощниками оказались они в осуществлении задуманного, хотя поначалу вместо помощи они превращались порою во врагов, но Александр Невский не оставлял попыток, чтобы сплотить их вокруг суздальско-владимирского центра.

И усилия его оказались не напрасными.

Мы видим, как постепенно из дерзкого самочинного правителя Андрей превращается в мудрого сподвижника Александра Невского. Он ездил в 1258 году в Золотую Орду, а на следующий год – в Новгород, немало способствуя успеху миссии старшего брата.

Еще более поразительная метаморфоза происходит с младшим братом Ярославом, ставшим не только деятельным помощником Александра Невского, но в 1263 году и его преемником.

4

Тяжкий крест взял на свои плечи святой Александр Невский…

Может быть, самый тяжкий, какой может взять смертный человек.

Только на Церковь и мог опереться святой князь в своем великом служении. Вся жизнь его отныне становится непрерывным, ежедневным и ежечасным подвигом.

С помощью митрополита Кирилла[27] добился Александр Невский у хана разрешения открыть в Орде Сарскую и Подонскую православные епархии, священники которых окормляли русичей, томящихся в плену, и обращали в православие татар…

Добился Александр Невский у хана отмены обязательного участия русских князей в военных походах Орды…

В результате неизбежное зло сумел святой князь превратить во благо для Отечества. Отстаивая православие, он защитил русские границы от нападений латинского Запада и укрепил – не это ли и вызывало и продолжает вызывать сейчас такую ярость либеральных историков? – национальное самосознание внутри этих границ!

Перечисление всех больших и малых свершений святого князя заняло бы многие страницы, но, вглядываясь в них из наших дней, мы ясно видим, что все они были нацелены в будущее. Все они подготавливали тот победный урожай, собрать который предстояло потомкам святого князя.

И, когда мы вглядываемся в бесстрастную хронику исторических событий, словно бы прямо на наших глазах зримо вершится чудо Господне.

Фактически превращая Русь в улус Великого ханства, святой князь укреплял центральную княжескую власть, тем самым закладывая основу, из которой произрастёт её единство. Своей политикой вершил Александр Невский чудо Преображения, превращая неизбежное зло во благо Отечества.

Для того чтобы пресечь возможность будущей междоусобицы, и требовал Александр Невский, как старший, подчинения от братьев. Во имя будущей Руси и совершалось служение святого князя, для объединения страны и являлся он в Новгороде и Владимире, и «бысть грозен приезд его».

И бывало так, что ропот, а порою и открытый гнев вызывали поступки святого князя даже и у родных сыновей.

Тяжек был крест, который взял на свои плечи святой Александр Невский!

После того как в 1257 году было принято решение о поголовной переписи населения всей Руси, в Новгороде вспыхнули волнения. К восставшим присоединился и сын Александра Невского – князь Василий.

Когда же «в силе тяжце» – «овому носа урезаша, а иному очи выимаша» – и явился в Новгороде Александр Невский.

Наказание это, последовавшее за убийство новгородцами посадника Михалки, ставленника Александра Невского, и за отказ произвести перепись, может показаться современному читателю слишком жестоким, но без этой кары невозможно было избежать разгрома Новгорода татарами, невозможно было предотвратить гибель десятков тысяч русских людей.

Сын Александра Невского Василий не смог понять этого. Не постигнуть было ему и того, что, уравнивая Новгород в выплате дани с другими русскими землями, Александр Невский скреплял город с ними, не выпускал из русского пространства. Василий бежал тогда в Псков, где был взят под стражу и с позором отправлен в Суздальскую землю…

Но разве только князь Василий Александрович не мог уразуметь этой простой, хотя и жестокой истины?

Увы…

Смысл деяний святого князя оставался порою неясным и непостижимым для окружающих его людей, ибо деяния святого князя были рассчитаны на результат, который проявится лишь многие десятилетия спустя…

5

И все же Господь даровал Александру Невскому совершить в конце земной жизни подвиг, который навсегда заставил умолкнуть злоречивых современников, и поставил имя святого князя на недосягаемую нравственную высоту.

Случилось это, когда сбор дани на Руси был отдан на откуп бесерменам-мусульманам и русским вероотступникам.

Тогда и появилось слово «басурмане».

Новые сборщики дани в случае недоимок насчитывали такие проценты, что должники неизбежно попадали в неволю. При этом откупщики всячески оскорбляли религиозные чувства православных…

И загудели, загудели колокола по городам и селам, призывая истреблять басурман. Осенью 1262 года во Владимире, Суздале, Ростове, Ярославле, Костроме, Великом Устюге заполыхали народные восстания.

Праведен был народный гнев, но страшная расплата ожидала всю Русь.

Шли слухи, что карательный поход татар окажется страшнее нашествия Батыя и вся Русь будет поголовно истреблена…

Тогда и решил святой князь отправиться в Орду, принять на себя страшный гнев хана и, если потребуется, мученической смертью отвести беду от Руси.

И в этом последнем подвиге святого князя, быть может, и раскрывается подлинный смысл знамения, явленного ижорскому старейшине Пелгусию при первых проблесках славы Александра Невского…

Куда плыла небесная ладья с гребцами, «как бы одетыми мглою»?

О какой помощи говорил страстотерпец Борис, обращаясь к брату: «Брат Глеб, поможем сроднику своему великому князю Александру Ярославичу»?

Как на верную смерть провожали князя…

Перед отъездом он раздал сыновьям уделы: Дмитрию – Переяславль, Андрею – Городец…

Святой Александр Невский и на этот раз отвёл погибель от Русской земли.

Более года провел он в Орде, и случилось небывалое – не отомщенным осталось избиение бесерменов на Руси.

Хан Берке сменил гнев на милость, хотя самому святому Александру Невскому до дна пришлось испить кубок унижений, страданий и горечи, и кубок этот, как пишет православный писатель Евгений Поселянин, «едва ли у кого из других русских князей был так глубок и так горек».

Дорого, очень дорого стоила эта поездка в Орду святому Александру Невскому.

На обратном пути в Нижнем Новгороде он заболел, а в Городце окончательно занемог.

6

Стояла глубокая осень.

В Городце Александр Невский призвал к себе: «вся свои князи и боляре и все чиновники даже и до простых, и от коегождо их прощение просяще, и всем им тако же прощение подаваше, и вей горьце плачущися о разлучении господина своего. Ужасно бе видети, яко в толице множестве народа не обрести человека не испусти слез, но вей со восклицанием глаголаху:

Увы нам, драгий господине наш! Уже к тому не имамы видети красоты лица твоего, ни сладких твоих словес насладитися! К кому прибегнем и кто ны ущедрит? Не имут бо чада от родителю такова блага прияти, яко же мы от тебе воспримахом, сладчайший наш господине!»

Простившись и сделав необходимые распоряжения, князь объявил, что хочет принять схиму.

Желание князя было исполнено.

Приняв схиму с именем Алексия, Александр Невский и скончался 14 ноября 1263 года в Федоровском монастыре в Городце[28].

Было тогда ему всего сорок три года…

Всё житие святого князя Александра Невского можно уподобить иконе, образу, сверяясь с которым и должно строить свою деятельность правителям Руси и её защитникам.

Насколько высоконравственна была личная жизнь святого князя, можно судить по тому, что и первая, и вторая супруги Александра Невского – княгини Александра и Васса – почитаются как местночтимые святые. Сын – князь Даниил Александрович Московский – причислен к лику общерусских святых.

«О, горе тебе, бедный человече! – восклицает автор Жития. – Как же не разорвется сердце твое от плача!»

А на другой день служил во Владимире обедню митрополит Кирилл.

И явился ему образ Александра, окруженный сиянием. И со слезами сказал митрополит Кирилл, обращаясь к народу:

– Дети мои! Знайте, что уже зашло солнце земли Русской!

– Уже погибаем! – одним дыханием и едиными устами отвечала митрополиту народная масса…

Еще во время погребения хотели разжать мертвую руку святого князя, чтобы вложить в неё духовную грамоту. Но Александр Невский сам, будто живой, протянул свою руку из гроба и взял из рук митрополита грамоту…

А.Н. Майков писал в стихотворении «В Городце в 1263 году»:

Тихо лампада пред образом Спаса горит…
Князь неподвижно во тьму,
в беспредельность глядит…
Тьма, что завеса, раздвинулась вдруг перед ним…
Видит он: облитый словно лучом золотым,
Берег Невы, где разил он врага…
Вдруг возникает там город…
Народом кишат берега…

Флагами веют цветными кругом корабли…
Гром раздается: корабль показался вдали…
Правит им кормчий с открытым высоким челом…
Кормчего все называют царем…
Гроб с корабля поднимают, ко храму несут,
Звон раздается, священные гимны поют…
Крышку открыли… Царь что-то толпе говорит…
Вот перед гробом земные поклоны творит…
Следом – все люди идут приложиться к мощам…
В гробе ж, – князь видит, он сам…
Тихо лампада пред образом Спаса горит…
Князь неподвижен лежит…
Словно как свет над его просиял головой –
Чудной лицо озарилось красой,
Тихо игумен к нему подошел и дрожащей рукой
Сердце ощупал его и чело –
И, зарыдав, возгласил: «Наше солнце зашло!»

Стихотворение это, хотя и содержит некоторые неточности, но зато перекидывает прочный мост между земной жизнью святого и тем небесным заступничеством за Русь, которое благоверный князь осуществлял, уже предстоя престолу Божию.

И как тут не вспомнить, что князь Александр Невский принял схиму и отошел в жизнь вечную в келье Феодоровского монастыря, возникшего на месте старинной часовни с иконой Божией Матери Одигитрии (Путеводительницы), которая после татаро-монгольского разорения Городца будет обретена в Костроме.

Этой Феодоровской иконой Божией Матери в 1613 году и благословят на царствие Михаила – первого государя из рода Романовых, как бы передавая Романовым еще и благословение святого князя Александра Невского на царствование в устроенной по его проекту стране.

7

По материалам археологических раскопок, возраст Городца восходит к XI столетию.

В городе сохранился полуразрушенный вал с узловатыми, перекрученными соснами, на котором во время вражеских нашествий до последнего воина, до последнего жителя бились городчане…

Бесконечно можно бродить по городу, в который въехал великий князь Александр Невский и из которого увезли тело схимника Алексия.

Великая тайна произошедшего здесь 750 лет назад преображения и сейчас окутывает улицы древнего города.

И такое ощущение рождается здесь, будто все легенды и сказки, что скоплены нашим народом на его нелегком, но великом многовековом пути, продолжают жить тут, как и многие столетия назад.

Из этих легенд и сказок – прекрасная даль Волги, в которую и ушел из земной жизни князь-схимник.

Одноэтажные и двухэтажные деревянные домики на древних улочках города ухоженные, как на подбор, и оттого, как в доброй сказке, удивительно красивые.

А Феодоровский, практически поднявшийся из праха монастырь?

В Покровском храме, рядом с монастырем, нам показали полено, которое расколол местный житель.

На сколе – восьмиконечный православный крест, образовавшийся внутри древесины…

Как возник он, объяснить невозможно. Житель Городца, обнаруживший скрытое в дереве изображение креста, принес полено в церковь, и сразу, как будто сам собою, и начал восстанавливаться монастырь…

27 мая 2009 года Священный Синод благословил открытие в Городце мужского монастыря в честь Феодоровской иконы Божией Матери. Наместником назначили игумена Августина (Анисимова), а уже 9 июля архиепископ Нижегородский и Арзамасский Георгий отслужил молебен святому благоверному князю Александру Невскому в нижнем приделе строящегося Феодоровского собора.

Еще, прогуливаясь по улочкам Городца, вспоминается, что существует версия, согласно которой город назывался раньше Городец-Радилов-Малый, в отличие от Радилова-Большого, знаменитого града Китежа, ушедшего в светлые глубокие воды Светлояр-озера.

Что ж…

Большой Китеж, как говорит легенда, только изредка показывается благочестивым людям своими золотыми маковками церквей да резными украшениями теремов…

Ну а Малый Китеж, Городец, воочию стоит перед нами…

В который уже раз поднялся он из затягивающей былые руины земли…

Глава шестая
НЕБЕСНЫЙ ПУТЬ

Свет славы небесныя осия тя вскоре,
блаженне Александре, утешая плачущия люди твоя:
темже видяще при гробе твоем знамения и чудеса,
сынове Российстии достойно призываху тя,
яко в молитвах предстателя...
Акафист Александру Невскому.
Искос одиннадцатый

Тогда еще не знали, что, теряя своего защитника и строителя на земле, обрела Русь великого защитника и молитвенника на небесах.

Известно это стало, когда августовской ночью 1380 года в храме Рождества Богородицы во Владимире вдруг вспыхнули сами по себе свечи, раздался ужасающий гром, и, когда вбежал в церковь испуганный пономарь, то увидел двух старцев, вышедших из алтаря.

Они шли к гробнице Александра Невского...

– Александре! – сказал один. – Встани и спаси правнука твоего Димитрия!

И пораженный ужасом и трепетом пономарь увидел, как осиянный дивным светом встал из гроба Александр Невский и скрылся со старцами[29].

На следующий день мощи святого князя были открыты и поставлены в раке посреди собора. Начались чудеса исцеления от них.

Главное же чудо произошло 8 сентября на поле Куликовом...

Святой благоверный князь Александр Невский стоял рядом с иноками Пересветом и Ослябей на Куликовом поле. Вместе с правнуком своим святым князем Дмитрием Донским вёл он русских ратников на смерть и на победу.

Наши святые всегда являлись в самые трудные, переломные моменты русской истории, когда без святых и не выстоять было России...

И первым всегда приходил на помощь князь Александр Невский.

Так было в его земной жизни, когда рядом со своими прадедами, страстотерпцами Борисом и Глебом, сражался он со шведскими крестоносцами на берегу Невы...

Так продолжалось и за порогом земной жизни князя.

Мы уже говорили, что Невская битва, давшая прозвище князю Александру, не просто победоносное сражение. В духовном смысле не столь уж и значительное сражение на Неве было небесным знаком, обетованием Святой Руси, идущей на смену Руси Киевской.

Но это же можно сказать и о чуде, случившемся августовской ночью 1380 года в храме Рождества Богородицы во Владимире. Это знак, это обетование того, что православное смирение Руси способно одолеть любую напасть.

«Исторически, конечно, так и было, – остроумно заметил по этому поводу Г.В. Вернадский, – рать Дмитрия возросла на смирении Александра».

1

Святой благоверный князь Александр Невский...

Его роль в истории России сопоставима разве только со свершениями святого Равноапостольного князя Владимира.

Двадцатилетним юношей, одержав блистательную победу над шведскими крестоносцами, освободив Псков, разгромив немецких рыцарей на Чудском озере, сумел он поставить надежный щит на пути затеянного Римским Папой Григорием IX крестового похода против Руси.

Еще поразительнее дипломатические и государственные свершения молодого князя. «Повенчав Русь со степью», Александр Невский заложил ту основу, из которой произросло единство Руси.

Неизбежное зло сумел святой князь превратить во благо для Отечества. Отстаивая православие, он защитил русские границы от нападений латинского Запада и укрепил национальное самосознание внутри этих границ.

Дивно, но и многие столетия спустя после кончины являлся и продолжает являться святой благоверный князь Александр Невский то как победоносный защитник Руси, то как грозный вразумитель.

И, как и в земной жизни святого князя, не всегда ясными оказываются его грозные предостережения.

Так было, например, во времена Иоанна III Васильевича, когда вместе с грандиозными успехами в государственном строительстве расползлась по Русской земле страшная беда – ересь жидовствующих...

«В 1491 году, мая 23, в понедельник, во Владимире, бысть ужасно видение, и страшно явление, и страшно знамение гнева Божия, им же наказуя нас Бог и от грех на покаяние приводя... Над ка-

менною церковию Рождества Пречистыя Богородицы славныя обители честнаго архимандритства, прямо чюдесных мощей блаженного великого князя Александра Ярославовича Невского, по иноцех же Алексея, от самого верха церкви тоя видеша необычно видение, яко облак легкий протязашеся или яко дым тонок извиваяся, белостию же – иней чист, светлостию же яко солнцу подобообразно блещася, идеже тогда в тонкости и светлости облака того видеша подобие образа блаженного великого князя Александра на кони».

Грозным и страшным было это видение…

Святой князь на глазах всего города удалялся на небо.

В самом же Владимире начинался страшный пожар, в огне которого погибли тысячи зданий, двадцать две церкви, в том числе и храм Рождества Пресвятой Богородицы.

«Чудотворные же мощи святого и праведного великого князя Александра Ярославича… – писал пораженный современник, – на них же аще и бысть видети нечто огненнаго знамения, но обаче Богом тако сохранени быша, яко и пелена, иже во гробе его, обретеся невредена».

2

Поразительно, но страна, «выстроенная» по проекту святого благоверного князя, оказалась настолько соразмерной ему, что в ее истории неразрывно сцеплены между собою события, принадлежащие земной жизни святого благоверного князя, и события, которые произойдут многие века спустя.

Очень остро чувствовал эту неразрывную связь благоверного князя Александра Невского с продолжающейся русской историей прямой потомок святого князя, предпоследний государь из династии Рюриков, царь Иоанн IV Васильевич Грозный[30].

И не случайно у мощей святого князя в храме Рождества Пресвятой Богородицы во Владимире испрашивал грозный царь в 1552 году благословения на свой третий казанский поход.

«Случися быти ту у целбоносного гроба блаженного и великого князя Александра и мне грешнейшему, – вспоминал потом один из спутников государя. – И виде близ помосту церковного на гробе блаженного малу скважню, и яко уразумети хотя, что есть скважня она, и вложих персты руки моея в скважню ту, и очютих яко в масть некую омочих руку мою, на ней же бяше струп некаков мал от многа времени; и абие исторгнув от скважни руку мою, и чаюшеся на ней яко маслом маститом или миром благовонным помазати, и струп на ней не обретеся от дни того и доныне».

Ну а сам тот поход Иоанна IV Васильевича Грозного завершился блестящим успехом. Казань была взята.

Тогда Иоанна IV Васильевича Грозного встречали в Москве, как встречали в Пскове после Чудской битвы самого Александра Невского…

«Поля не вмещаху людей от реки от Яузы и до посаду и по самой град по обе страны пути бесчислено народ… велиими гласы вопиющихи, ничтоже ино слышати токмо: «Многа лета царю благочестивому, победителю варварьскому и избавителю христьянскому».

И мы видим сейчас, как точно и прочно соединяется завершившийся в Городце земной путь святого благоверного князя Александра Невского с царствованием Иоанна IV Васильевича Грозного, которое началось благодаря помощи святого князя взятием Казанского царства, а завершилось походом Ермака и присоединением Сибири, с путями строительства Российской империи династией Романовых.

По сути Иоанн IV Васильевич Грозный и создал ту державу, границы которой своим путем очертил святой благоверный князь, а династия Романовых расширила ее и превратила в реальную империю…

3

Мы уже говорили о виртуозности Василия Осиповича Ключевского, с которой он так сумел изложить историю нашего Отечества, что не сразу и замечаешь изъятие из нее самого узлового персонажа…

И это то, что касается земной жизни святого князя, той его роли в истории, которая подтверждена научно обоснованными, документальными свидетельствами. Что же говорить о свершениях святого Александра Невского в качестве небесного заступника за Русь?

Даже когда речь идет о достаточно точно проверяемых фактах, профессиональные историки обыкновенно ограничиваются лишь констатацией этих фактов, оставляя осмысление их церковному преданию или околоцерковным слухам.

Почему?

Наверное потому, что все связанное с Александром Невским в имперском и советском периодах нашей истории наполнено таким глубоким духовным содержанием, что любая попытка удержаться в границах сугубо материалистических представлений оказывается заведомо обреченной на провал.

И прежде всего это касается отношений Александра Невского и Петра I.

Должно быть, никто из русских царей не искал помощи и покровительства святого благоверного князя Александра Невского так целеустремленно, как Петр I.

Никаких свидетельств, что святой покровительствовал Петру I в его битвах, не сохранилось, но то, что первый русский император всячески стремился связать свои победы над шведами с именем благоверного князя, очевидно.

Зная, что вблизи основанного им Санкт-Петербурга в 1240 году произошла Невская битва, в которой Александр Невский разгромил шведов, Петр I решил закрепить этот факт созданием соответствующего монастыря…

Мысль эта окончательно оформилась к июлю 1710 года, когда «Государь, будучи в Петербурге, осматривал места, где указал строить монастырь во имя Святой Троицы и святого Александра Невского».

Где именно произошло сражение, Петру I выяснять было недосуг, а тут подвернулась деревушка Вихтула, которую, как заметил историк Санкт-Петербурга Петр Николаевич Петров, «первоначально описыватели местности, по слуху, с чего-то назвали Викторы, приурочивая к ней место боя Александра Невского с Биргером»[31].

Ошибка очевидная, но – увы! – очень многое в идеологии эпохи Петра I строилось не на знании, а на том, что слышалось и мерещилось его не шибко-то просвещенным сподвижникам.

Сами строительные работы начались 20 февраля 1712 года, а 14 июля следующего года, вскоре после того как Санкт-Петербург был объявлен официальной столицей страны, заложили в монастыре деревянную Благовещенскую церковь.

Далее монастырь рос вместе с новой столицей под гром побед Северной войны.

Взятие Гельсингфорса…

Гангутское сражение…

Десанты генерал-майора П.П. Ласси и Ф.М. Апраксина возле Стокгольма…

Наконец, заключение в 1721 году Ништадтского мира…

* * *

Последние годы жизни Петра I можно назвать годами подведения итогов.

В конце 1721 года по случаю заключения Ништадтского мира Сенат упразднил титул царя и провозгласил Петра I императором. Также Петру I был преподнесен титул «Отца Отечества».

Получил тогда Петр I повышение и в своем «всешутейшем соборе».

Как видно из списка слуг «архикнязя-папы», составленного в самом начале двадцатых годов XVIII века, «Пахом Пихай х… Михайлов» возвысился уже до архидьякона.

Совпадение неслучайное.

После того как Петр I стал главой Русской Православной церкви, потеснив самого Бога, темные силы, движущиеся в эскорте великого реформатора, зафиксировали и отметили этот факт в изменении иерархии «всешутейшего собора».

«Отец Отечества» мог торжествовать.

Он и торжествовал.

Празднества и фейерверки шли непрерывною чередой и посреди грохота салютов, в январе 1723 года, Петр I отдал распоряжение доставить в Санкт-Петербург ботик, на котором плавал в детстве по Плещееву озеру.

«Ехать тебе с ботиком и везть до Шлиссельбурга на ямских подводах, – было указано гвардии сержанту Кореневу. – И будучи в дороге смотреть прилежно, чтоб его не испортить, понеже судно старое, того ради ехать днем, а ночью стоять, и где есть выбоины, спускать потихоньку».

Вообще-то, если уж устраивать празднество в честь русского флота, можно было бы начать отсчет его истории с легендарных походов киевских князей на Царьград.

Или, если покопаться в архивах, вспомнить не менее легендарное, но абсолютно достоверное плавание Семена Дежнева из Северного Ледовитого океана в Тихий океан в 1647 году.

Или спущенный 19 мая 1668 года в селе Дединове на Оке первый русский военный корабль «Орел».

Или первое русское морское судно «Святой Павел», спущенное уже при Петре I с Соломбальской верфи 20 мая 1694 года…

Можно привести множество оснований для выбора любой из этих дат.

Но начинать отсчет с детского ботика, с игрушки, которой в отрочестве забавлялся юный Петр I, можно было, лишь решившись в эгоцентрическом ослеплении окончательно замкнуть на себе всю русскую историю.

Поражает, как тщательно, предусматривая все возможные осложнения, разрабатывает Петр I план перевозки ботика в Санкт-Петербург.

«Для опасения от пожаров» воспрещалось ставить ботик в населенных пунктах, велено было оставлять его на ночь под охраной часовых вдали от строений.

В подорожной сержанта Коренева было указано, чтобы «от Москвы до Твери, от Новгорода и до Шлиссельбурга везде по городам и по ямам, под помянутый ботик и обретающимся при нем людям, давать по 16 подвод без всякого задержания»…

Дан был высочайший указ и шлиссельбургскому коменданту: «Послан от нас от гвардии сержант Коренев в Шлиссельбург с ботиком старинным, и когда он тот ботик в Шлиссельбург привезет, тогда поставить его в городе на площади против церкви, как возможно далеко от деревянных строениев, дабы от пожару безопасно было, и вели оный накрыть, и смотри прилежно, чтобы тот ботик чем не был поврежден».

Если сравнить эти указы и предписания с инструкцией, составленной через год Петром I для Витуса Беринга:

«1. Надлежит на Камчатке, или в другом там месте, сделать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах плыть возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают), кажется, что та земля часть Америки.

3. И для того искать, где оная сошлась с Америкою, и чтоб доехать до какого города европейских владений; или ежели увидят какой корабль европейский, проведать от него, как оной куст называют, и взять на письме, и самим побывать на берегу, и взять подлинную ведомость, и, поставя на карту, приезжать сюды», – то мы увидим, что инструкция по перевозке детского ботика составлена Петром I гораздо тщательней, нежели план первой тихоокеанской экспедиции.

Сержант Коренев справился с порученным ему делом.

В назначенный срок ботик «Св. Николай» был доставлен в Шлиссельбург и выставлен, как и было указано, на площади против церкви в честь Рождества Иоанна Предтечи.

Однако в Шлиссельбурге «Святитель Николай» пробыл совсем недолго.

27 мая Петр I прибыл в Шлиссельбург на яхте и, как в далеком детстве, самолично спустил ботик на воду.

Сопровождаемый яхтой и девятью галерами ботик поплыл в Санкт-Петербург.

Грохотом барабанов, звоном литавр, ружейной пальбой приветствовали «дедушку русского флота» – так теперь указано было именовать ботик – выстроенные вдоль берегов Невы русские полки.

В Александро-Невском монастыре «дедушку» ожидала императрица с министрами и генералитетом. Был произведен салют и из орудий, стоявших на монастырских стенах.

* * *

Видимо, плавание на ботике «Св. Николай» по Неве пробудило в «Отце Отечества» отроческие воспоминания. В подробностях припомнились плавания по Плещееву озеру, рассказы о Ярилиной горе, о Переяславле-Залесском, об Александре Невском.

Не рискнем утверждать, что именно детские воспоминания определили решение перевезти в Петербург святые мощи благоверного князя, но доподлинно известно, что вечером 29 мая 1723 года, накануне табельного дня своего рождения, когда по бледному петербургскому небу уже рассыпались огни фейерверков, Петр I, будучи в Александро-Невском монастыре, вспомянул о святом благоверном князе и указал: обретающиеся в соборе Рождества Богородицы во Владимире мощи Александра Невского перенести в Санкт-Петербург[32].

И срок назначил. Велено было приурочить встречу мощей в Санкт-Петербурге к празднованию годовщины Ништадтского мира 30 августа 1723 года…

Это решение Петра I трактуется на разные лады, но при этом упускается из виду, что приказано было не просто перенести мощи, а перенести их к дате.

Между тем это весьма существенное обстоятельство.

Особенно если вдуматься в его мистический смысл.

Петр I достиг тогда всего, чего только можно было достичь…

За два десятилетия беспрерывных сражений, обескровивших и разоривших страну, он сумел-таки одолеть Швецию. Ломая и корёжа страну, практически отказавшись от национальных обычаев и потеснив – отмена патриаршества и тайны исповеди! – православие, Петр I победил и старую, построенную потомками Александра Невского Русь.

Теперь пришло время, чтобы победить и саму русскую историю вместе с благоверным князем Александром Невским. Ведь Петр I, кажется, для того и утвердился на берегах Финского залива, чтобы переменить проложенный святым благоверным князем путь. Действительно, жалким теперь по сравнению с петровским прорывом Запада в Россию выглядел десант крестоносца Биргера, разгромленного здесь Александром Невским пять столетий назад…

И перенесение в Санкт-Петербург святых мощей князя к годовщине заключения Ништадтского мира становилось, таким образом, свидетельством этой победы, освящало все совершенные Петром победы, становилось фундаментом мифологии рождающейся империи.

Любопытно, что Ништадтские торжества совпали с запрещением Петром I монастырского летописания. Совпадение не только символичное – летописи оставались в старой, доимперской Руси – но и логически взаимосвязанное с петровским переустройством России.

4

Как известно, повеление императора о перенесении мощей архиепископ Феодосий объявил в Святейшем Синоде 4 июня 1723 года.

Последовала непонятная пауза длиною почти в целый месяц, и только 30 июня Синод вынес решение «мощи в Александро-Невский монастырь перенести по примеру перенесения из Соловецкого монастыря в Москву святых мощей Филиппа митрополита в 7160 году (1652 г.)».

Воспоминание о переносе мощей святителя Филиппа (Колычева), осуществленное при отце Петра I царе Алексее Михайловиче, видимо, и легло в основу расчетов предстоящего шествия.

Как известно, с Соловков мощи святителя Филиппа Колычева прибыли в устье Онеги 11 июня 1566 года. Отсюда до Москвы примерно 1250 верст, и поскольку уже 9 июля мощи святителя были в Москве, получается, что в день они проходили примерно 44 версты.

От Владимира до Санкт-Петербурга примерно 770 верст. Если бы мощи Александра Невского шли с такой же скоростью, как мощи святителя Филиппа, дорога заняла бы 18 дней.

Дата прибытия мощей Александра Невского в Санкт-Петербург была определена Петром I, и от нее и отталкивались сенаторы, предписывая «в пути иметь усердное поспешение, чтобы как возможно святые мощи к Санкт-Петербургу перенесены были к… августа 20, а по всеконечной мере августа к 25 числу неотложно».

10 июля, когда состоялось постановление Сената, запас времени еще сохранялся. Чтобы поспеть в намеченные сроки, надо было выйти из Владимира лишь в первых числах августа. Но тут движение завязло на несколько недель в канцелярских согласованиях и пересылках, и суперинтендант Иван Петрович Заруднев только 25 июля получил указание приступить к сооружению «ковчега с балдахином», в котором следовало переносить мощи.

Работу Иван Петрович завершил за пять дней, как раз к назначенному сроку 1 августа. Однако оказалось, что мощи надобно везти не из Москвы, и на то, чтобы доставить «ковчег с балдахином» во Владимир, ушло еще семь дней. Впрочем, и тут в путь двинулись не сразу, а только 11 августа.

Но и теперь (11+18) еще поспевали к намеченному на 30 августа празднованию, однако когда после литургии и водосвятного молебна святые мощи вынесли из собора Рождества Богородицы через южные двери и поставили в ковчег, выяснилось, что ни через одни ворота ковчег не проходит[33]. Монастырь словно бы не отпускал принявшего перед кончиной схиму Александра Невского…

Пришлось разбирать стену.

Однако задержки на этом не кончились. Когда несли ковчег через торговую площадь, тоже все время останавливались – ломали прилавки.

«И вынесли из города святые мощи с крестами и со звоном и с провожанием духовных персон и светских всяких чинов жителей, со множеством народа, несли святые мощи за город… – записывал в журнале архимандрит Сергий. – И вынесли, и поставили на Студеной горе».

Был уже вечер.

Начинался дождь.

Внизу, в городе, во всех церквах и монастырях не смолкал колокольный звон.

Путь оказался трудным и неподготовленным.

Как пишет в журнале архимандрит Сергий, «была остановка на реке за худым мостом, стояли долго и мост делали», а однажды – «мост под мощами обломился», иногда – «дождь во весь день и дорога огрязла».

Нет, не жалела сил воинская команда, солдаты ломали стены, прорубая дорогу, двигались как положено в петровской империи, не считаясь ни с какими затратами и потерями, но только 18 августа мощи подошли к Москве. Весь день звонили тогда колокола в Первопрестольной.

23 августа колокола зазвонили в Клину.

26 августа – в Твери.

31 августа – в Вышнем Волочке.

7 сентября пришли в село Бранницы, погрузили здесь ковчег на судно и поплыли. И снова стояли, пережидая погоду, и только 9 сентября вышли в Ильмень.

В Новгороде перенесли мощи святого князя в Софийский собор, где не раз бывал при земной жизни Александр Невский, и здесь епископ Иоаким отслужил над ними литургию.

Уже безнадежно опоздали к празднованию годовщины Ништадтского мира, но остановиться не посмели и 10 сентября вынесли святые мощи из Софийского собора в Новгороде, где не раз бывал при земной жизни Александр Невский, и продолжили путь.

Дальше поплыли по Волхову…

Снова останавливались – теперь уже в Хутынском монастыре.

«И от того Монастыря в путь пошли. А ночь 13 сентября дошли до города Старой Ладоги, и из оной Ладоги встретили святые мощи со кресты Ивановского монастыря игумен Лаврентий, да Николаевского монастыря строитель Гавриил с братиею и с прочими духовными персонами и со светскими служителями и с собранием многочисленного народа, и проводили за город со обычайною процессиею и с звоном».

15 сентября из Новой Ладоги поплыли в Шлиссельбург.

5

Можно найти достаточно вразумительное объяснение каждой задержке, возникавшей по пути мощей, но собранные воедино они складывались в совершенно невероятную и необъяснимую картину: организаторам переноса мощей не удалось за три месяца, истекшие после повеления Государя, преодолеть 770 верст пути.

15 сентября 1723 года ковчег со святыми мощами привезли в Шлиссельбург, где и остановились у пушечной пристани на Неве, ожидая дальнейших указаний.

В принципе, прибытие святых мощей Александра Невского в Санкт-Петербург могло бы стать самостоятельным праздником, но Петр I не собирался отступать от своего замысла.

Согласно указу Святейшего Синода приказано было разместить святые мощи в Шлиссельбурге, поставив их в каменной церкви. Здесь велено было находиться им до следующей годовщины заключения Ништадтского мира.

Однако и это исполнить в точности не удалось…

Ковчег со святыми мощами не прошел ни в одни ворота, а ломать крепостную стену не решились и поэтому снова ждали. Только 29 сентября из канцелярии Святого Синода поступил новый указ: вынуть раку с мощами из ковчега и поставить в крепости, а ковчег хранить вне города…

Так получилось, что святому князю суждено было стать следующим после царевны Марии Алексеевны заключенным Шлиссельбургской крепости.

В Шлиссельбургской церкви Благовещения святые мощи Благоверного князя Александра Невского находились до августа следующего, 1724 года…

Здесь они попали в знаменитый шлиссельбургский пожар…

Подобно пожару, охватившему церковь Рождества Богородицы 13 мая 1491 года, когда распространилась в Москве ересь жидовствующих, шлиссельбургский пожар близок по времени к 17 мая 1722 года, когда по настоянию Петра I Синодом была отменена тайна исповеди.

После отмены патриаршества и введения Духовного регламента это был самый чувствительный удар, нанесенный Петром I по Русской православной церкви, которую, как саму основу русской жизни, всегда защищал Александр Невский…

Еще никогда столько шутовских масок не окружало первого русского императора, маски и шутовские наряды заполнили тогда дворцы и улицы Санкт-Петербурга.

«По улицам Петербурга прогуливались и разъезжали голландские матросы, индийские брамины, павианы, арлекины, французские поселяне и поселянки и т.п. лица: то были замаскированные государь, государыня, весь сенат, знатнейшие дамы и девицы, генерал-адьютанты, денщики и разные придворные чины. Члены разных коллегий и сената в эти дни официального шутовства нигде, ни даже на похоронах не смели скидывать масок и шутовских нарядов; в них они являлись на службу, в сенат и в коллегии».

Свой всешутейный собор, называвшийся «Великобританский славный монастырь», был создан теперь и у петербургских иностранцев.

Историк С.Ф. Платонов, который первым проанализировал устав «монастыря», снабженного фаллической символикой, был поражен похабностью его и неприличием. Между тем среди членов «монастыря» были иностранные финансисты, купцы и специалисты в различных областях, которые были очень близко связаны с Петром I и оказывали ему, как, например, «медикус» Вильям Горн, оперировавший царя незадолго до смерти, различные «особые» услуги.

Действительно, дьявольщины в «Великобританском монастыре» было еще больше, чем во «всешутейном соборе». Это повышение градуса функционирования «Великобританского монастыря» с сатанинской точностью регистрировало тот факт, что сделал Петр I с изнасилованной Россией.

Настоящая вакханалия творится в 1724 году вокруг «Отца Отечества».

Все карикатурно в окружении Петра, отовсюду лезут маски и искривленные дьявольской злобою рыла…

* * *

В духе этого непристойного шутовства была совершена и супружеская измена только что коронованной Екатерины Алексеевны.

Как и положено в шутовском действе, героем адюльтера стал ее камергер… Виллим Монс, брат известной нам Анны Монс, любовницы молодого Петра.

«Ах, счастье мое нечаянное… Рад бы я радоваться об сей счастливой фортуне, только не могу, для того что сердце мое стиснуто так, что невозможно вымерить и слез в себе удержать не могу! – писал пылкий любовник своему «высокоблагородному патрону, ее премилосердному высочеству». – Прими недостойное мое сердце своими белыми руками и пособи за тревогу верного и услужливого сердца».

Свою любовную пылкость, подобно сестре Анне, Виллим совмещал с еще более пылкой любовью к деньгам. Вместе с сестрой, Матреной Ивановной Балк, он поставил взяточничество на конвейер и брал за протекцию со всех, кто обращался к ним.

«Брала я взятки с служителей Грузинцевых, с купецкого человека Красносельцева, с купчины Юринского, с купца Меера, с капитана Альбрехта, с сына «игуменьи» князя Василия Ржевского, с посла в Китае Льва Измайлова, с Петра Салтыкова, с астраханского губернатора Волынского, с великого канцлера графа Головкина, с князя Юрия Гагарина, с князя Федора Долгорукова, с князя Алексея Долгорукова…»

Два дня диктовала Матрена Ивановна Балк на допросе имена своих дачников[34]…

В тот день, когда Петру I стало известно об измене супруги с Монсом, он провел вечер в Зимнем дворце с Екатериной. Был здесь и Монс. Он был в ударе, много шутил.

– Посмотри на часы! – приказал государь.

– Десятый! – сказал камергер.

– Ну, время разойтись! – сказал Петр I и отправился в свои апартаменты.

Монс, вернувшись домой, закурил трубку, и тут к нему вошел страшный посланец царя, начальник тайной канцелярии Андрей Иванович Ушаков. Он отвез Монса к себе на квартиру, где его уже ждал император.

Впрочем, как говорит М.И. Семевский, на все остальные вины Виллима Монса Петр I «взглянул как-то слегка!» и приказал обезглавить брата своей первой любовницы, а потом утешался тем, что возил Екатеринушку смотреть на отрубленную голову любовника.

Мы рассказываем об этой истории не только ради того, чтобы прибавить пикантности повествованию. Кружение Монсов вокруг русского престола – вначале в образе Анхен, а потом Виллима – невозможно отторгнуть от того недоброго шутов-

ства, до которого Петр I был таким охотником, оно совершенно в духе его кровавых игрищ и «маскерадов», которые оказались окрашены зловещими отсветами шлиссельбургского пожара….

6

Петр I не внял этому грозному предупреждению.

Как и было указано, 30 августа 1724 года, в годовщину заключения Ништадтского мира, под пушечный салют и звон колоколов мощи Александра Невского привезли в Санкт-Петербург в освященную к этому событию церковь во имя святого благоверного князя Александра Невского.

«Встреча святыни в Петербурге была весьма торжественна, – пишет в своей монографии М.Хитров. – Император со свитой прибыл на галере к устью Ижоры. Благоговейно сняв святыню с яхты и поставив на галеру, государь повелел своим вельможам взяться за вёсла, а сам управлял рулем. Во время плавания раздавалась непрерывная пушечная пальба. То и дело из Петербурга прибывали новые галеры со знатными лицами, а во главе их – «ботик Петра Великого», тоже отдавший салют своими небольшими медными пушками. Шествие приближалось к Петербургу. Мысли всех невольно неслись к той отдалённой эпохе, когда на берегах Невы и Ижоры Александр торжествовал свою победу над врагами. Шествие остановилось у пристани, нарочно для сего устроенной. Там святыню сняли с галеры, и знатнейшие особы понесли ее в монастырь».

«Веселися, Ижорская земля и вся Российская страна! Варяжское море, воплещи руками! Нево реко, распространи своя струи! Се бо Князь твой и Владыка, от Свейскага ига тя свободивый, торжествует во граде Божии его же веселят речная устремления!» – звучали голоса специально для встречи мощей святого благоверного князя составленной службы.

На следующий день император снова прибыл в Александро-Невскую обитель и раздавал здесь гравированный на меди план будущих монастырских построек. Тогда же установлено было праздновать торжество перенесения святых мощей ежегодно 30 августа.

Петр I всегда серьезно относился к проведению празднеств и торжеств, но теперь подготовка к годовщинам основания Санкт-Петербурга и Ништадтского мира – главных достижений его царствования! – оттеснила даже текущие государственные заботы. Мифологизация празднеств, как и в случае с дедушкой русского флота, приобретала при этом совершенно конкретный смысл и адресовалась исключительно самому Петру I.

В организации встречи святых мощей государственная, державная символика – Петр I стремился подчеркнуть преемственность своего дела и Божественный Промысел основания Санкт-Петербурга – преобладала.

Но воля Петра I – это воля Петра I, а воля Божия – воля Божия.

И ничего не совершается в мире вопреки ей.

Еще за пять столетий до основания Петром новой столицы этот город уже оказался обозначен на карте духовной истории нашей страны.

И вот теперь, посрамив – ну в самом деле, в срок привезли в Петербург тяжелый бот, а сравнительно небольшую раку со святыми мощами привезти в срок не сумели! – своеволие Петра I, мощи Александра Невского все-таки прибыли на берега Невы.

И посмотрите, где встречают мощи!

В устье Ижоры…

Именно там, где и происходила Невская битва, хотя местом ее Петр I ошибочно считал территорию нынешней Александро-Невской лавры.

Святой благоверный князь всё же остановился на месте своей первой блистательной победы.[35]

И это ли не знак, явленный нам свыше?

Это ли не глагол, в сиянии которого должны были померкнуть все помпезные торжества, ожидающие процессию в Санкт-Петербурге?

7

Но и этот глагол Петр I не сумел расслышать.

Или не захотел…

Политический смысл затенял мистическую суть происходящего.

Возведение святого благоверного князя Александра Невского в ранг небесного патрона новой русской столицы и задумано было как акция более политическая, нежели церковная. Необходима она была прежде всего как аргумент с противниками новшеств, с приверженцами старины…

Перенесение мощей Александра Невского утверждало победу Петра I.

Снова он победил всех. Победил старую Русь, победил шведов, теперь ему предстояло победить саму историю, призвав принявшего перед кончиной монашескую схиму благоверного князя к служению новой, петровской России.

Тогда даже указ был издан: писать иконы святого князя отныне не в монашеском облачении, а в военных доспехах.

И все произошло – это ли не апофеоз петровского своеволия?! – как и было предписано. Мощи святого князя, как и было задумано, доставили в город, где правил император, убивший своего родного сына и подчинивший себе Русскую Православную Церковь.

И никого не было вокруг, кто мог бы возвысить свой голос в защиту Святой Руси…

Только сам Александр Невский.

Подчиняясь своеволию Петра I, Александр Невский прибыл в город, основанный этим императором.

Через полгода императора, которого до сих пор одни считали великим, другие – антихристом, не стало…

Современники вспоминают, что начиная с шестнадцатого января 1725 года предсмертные крики императора стало слышно и за стенами дворца.

28 января 1725 года, написав два слова: «Отдайте всё…» – Петр I выронил перо и в шесть часов утра скончался, так и не назначив наследника своей империи.

Под грохот барабанов взошла тогда на русский престол ливонская крестьянка, служанка мариенбургского пастора Марта Скавронская. При штурме города ее захватили солдаты, у солдат – выкупил фельдмаршал Шереметев и перепродал потом Меншикову. Уже от Меншикова она попала к Петру I и стала его супругой.

Воистину – и небываемое бывает! – теперь она сделалась императрицей, властительницей страны, солдаты которой пленили ее в захваченном Мариенбурге.

Но она правила при Александре Невском тоже совсем недолго…

Глава седьмая

МОЛИТВА АЛЕКСАНДРУ НЕВСКОМУ

О, святый благоверный великий княже Александре!
От благоговейных сердец приносимую ти, аще
и недостойную, хвалебную песнь сию, приими
от нас яко усердную жертву сердец, любящих тя
и ублажающих святую память твою.
Охраняй всех нас молитвами твоими:
огради ходатайствы твоими град твой,
и вся люди земли Российстия …

Акафист Александру Невскому.
Кондак тринадцатый

Когда мы говорили, что народная молва не ошиблась, выбрав князю Александру Ярославовичу прозвище, мы говорили не только о современниках святого князя, но и о его потомках. Осознание того, что было совершено Александром Невским, происходило на протяжении значительного времени, и постижение этого продолжает происходить и сейчас.

Потребовались столетия, чтобы мы сумели увидеть, что судьбоносная победа в Невской битве была одержана не просто на берегах Невы, а на подступах к городу, которому предстояло подняться здесь, пять столетий спустя. Городу, который станет столицей будущей империи.

Неимоверно ёмкие на страдания, труды и подвиги нашего народа столетия пролегли между Невской битвой и годами Ленинградской блокады. И все-таки, как мы видим это сейчас, в духовном смысле это звенья одной цепи. Санкт-Петербург, небесным покровителем которого становится святой князь Александр Невский, кажется, единственный русский город, на улицы которого никогда не ступала нога чужеземного завоевателя.

И что с того, что город переименовывали то в Петроград, то в Ленинград? Покровительство святого князя не оставляло его. И не он ли защищал наш город в самые роковые минуты, как в 1941 году, когда немцы беспрепятственно прорвались к трамвайной линии, по которым все еще шли в Ленинград трамваи?! Немцы могли тогда въехать в наш город на трамваях, но они так и не сдвинулись с этой остановки три долгих блокадных года.

И как тут не вспомнить, что 1 декабря 1937 года, прорвав все атеистические кордоны тогдашнего агитпропа, святой благоверный князь Александр

Невский едва ли не первым из наших небесных заступников пришел к своим соотечественникам, чтобы укрепить их накануне величайших, предстоящих нашему народу испытаний…

Тогда Александра Невского в гениальном и, я бы сказал, иконописном исполнении Николая Черкасова, в грозной, боговдохновенной музыке кантаты С.С. Прокофьева «Вставайте, люди русские! На правый бой, на смертный бой!» увидели и услышали миллионы советских людей.

И как не вспомнить, что 29 июля 1942 года, в страшное для Советской армии лето поражений, был возрожден орден Александра Невского…

И разве не святой князь укреплял защитников блокадного Ленинграда, разве не он вёл наших солдат в заснеженных степях под Сталинградом?

Разве не о нем вспоминали наши танкисты в напичканных ревущим железом полях под Прохоровкой?

Разве не его лик сиял на груди наших полководцев, приведших нас к Победе?..

1

Далекий от православия человек может назвать случайными приведенные мною совпадения…

Но разве может быть что-то случайное, если речь идет о святых?

Всматриваясь в череду организованных в соответствии с человеческой волей событий, мы обнаруживаем факты, не поддающиеся никакому рационалистическому объяснению.

Вот, например, страшный 1922 год…

Уже разграблены под видом помощи голодающим храмы…

Уже составлен в ГПУ план захвата обновленцами руководства Русской Православной Церкви…

По всей стране идут процессы над «церковниками», выносятся расстрельные приговоры…

12 мая 1922 года, словно в ознаменование двухсотлетней годовщины Петровского указа от 17 мая 1722 года об отмене тайны исповеди, власти Петрограда решили публично надругаться над мощами святого благоверного князя. Точно на юбилей петровского указа не попали, поскольку, похоже, приурочивали вскрытие мощей одновременно и к намеченному штурму обновленцем Александром Введенским патриаршей резиденции в Москве, но все равно получилось близко, пугающе близко…

«Хотя за красным Петроградом установилась прочная репутация самого революционного во всем мире города, – писал тогда в «Петроградской правде» газетный репортёр, – но есть одна область, в которой он сильно отстал от многих других городов Советской республики. Как известно, вскрытие мощей уже два года тому назад было произведено по всей России, а в Петрограде к этому приступили только вчера».

В этот долгожданный для петроградских атеистов полдень в соборе Александро-Невской лавры собрались представители Петроисполкома, губкома, агитотдела, печати, общества археологических памятников старины и медицинской экспертизы…

«По данному распоряжению мастера подходят к раке и отвинчивают винты. Несколько человек снимают крышку и относят в сторону. Под крышкой стекло, его тоже снимают.

– Здесь темно, – говорит кто-то. – Надо выдвинуть к свету…

– Именно к свету, – повторяет другой с ударением на последнем слове… Настоятель поднимает крышку гроба.

Что же в нем?

Там пусто. На дне лежит лиловый атласный покров, в изголовье новенькая подушка из оранжевого атласа, а посреди небольшая шкатулка из светлого дерева, как бы накануне от мастера.

Открывают шкатулку, под крышкой оказывается застекленная рамка, затем вынимают оттуда куски какой-то старой материи, затем истлевшие остатки от схимы великого князя, а на самом дне бурые истлевшие кости, да и тех очень немного, с пригоршню, не больше. Эксперты определили, что здесь имеются две неполные берцовые кости, одно ребро, остатки от височных костей и ключиц.

Вот и все «мощи»…

«Митрополит… – отмечает репортер, – как будто бы немного взволнован».

Собственно говоря, ради этой фразы и составлялась издевательская по своему тону статья.

Нет нужды доказывать, что все «открытия», совершенные советской властью при вскрытии святых мощей, ни в коей мере не опровергают их святости и способности к чудотворениям. Церковь считает, что нетленность сохраняется в силу Господней воли ровно столько, сколько необхо-

димо, чтобы засвидетельствовать святость Божьего угодника.

Точно так же нет нужды повторять, что 12 мая 1922 года собравшиеся в соборе Александро-Невской лавры увидели не только мощи святого благоверного князя, но и то, что сделало с этими мощами отступление от православия некоторых русских государей.

Но суть происходящего этим, разумеется, не ограничивалась!

2

Не так уж и важно, в чьем кабинете, председателя Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, члена Политбюро ЦК ВКП(б) Григория Евсеевича Зиновьева или начальника Петроградского ГПУ Станислава Адамовича Мессинга, родилась идея произвести вскрытие мощей святого князя на двухсотлетнюю годовщину Петровского указа, посягнувшего на одно из главнейших Таинств Церкви…

И тот, и другой выступали тут только как исполнители дьявольской воли.

Но еще раз убеждаемся мы, что Бог поругаем не бывает.

Воочию видим мы, как Промысел Божий разрушает бесовские козни, обращая сатанинский замысел в зримое свидетельство Божией Силы и Славы.

Можно предполагать, на что рассчитывали Григорий Евсеевич Зиновьев и Станислав Адамович Мессинг.

Чтобы увидеть, что же в результате произошло, достаточно просто открыть глаза…

Не митрополит Вениамин задумал произвести вскрытие мощей, но мощи святого князя были вскрыты, когда наступил час страшного испытания для Русской Православной Церкви. И святой князь Александр Невский, как всегда в годину испытаний, явился и сейчас, укрепляя священномученика Вениамина перед совершением предстоящего ему подвига!

Мягкий и уступчивый митрополит был избран Господом, чтобы первым выступить против захватчиков в рясах, измаранных в кабинетах ГПУ.

Духовный меч Александра Невского лег в мягкую руку митрополита Вениамина…

Что почувствовал в эту минуту владыка?

«Митрополит… – бегло заметил сотрудник «Петроградской правды», торопящийся написать газетный отчет, – как будто бы немного взволнован…»

Как будто немного взволнованным показался репортеру священномученик Вениамин, митрополит Петроградский, который буквально через несколько дней бесстрашно отлучит от Православной Церкви обновленцев Введенского, Боярского и Красницкого, поставленных ГПУ на руководство Русской Православной Церковью.

Его будут уговаривать и запугивать. Ему будет объявлено: если он не снимет отлучения, то будет расстрелян.

Священномученик не дрогнет, не выпустит из рук духовный меч Александра Невского…

Поразительные изменения происходили в эти майские дни в митрополите Вениамине…

Конечно, мягкость и уступчивость митрополита Вениамина, которые поминают почти все, знавшие владыку, никогда не касались принципиальных вопросов. В православной вере митрополит всегда был тверд. Но теперь эта твердость проявляется и внешне.

Решительно и твердо пресек митрополит Вениамин попытки следователя трибунала Ф.П. Нестерова увязать инциденты, произошедшие при изъятии, – помянем здесь, что еще 16 мая все дела церковников были объединены в дело «О противодействии и злоупотреблениях при изъятии церковных ценностей» – с деятельностью правления Общества православных приходов. Столь же решительно протестует он против попыток следователя переложить ответственность на предназначенное к закланию правление общества.

В результате допрос митрополита Вениамина завершился постановлением о привлечении его в качестве обвиняемого по делу о противодействии и злоупотреблении:

«1922 г. Мая 18 дня, я, следователь Петроградского Губернского Революционного Трибунала Ф.П.Нестеров, опросив митрополита Гдовского и Петроградского Вениамина и усматривая наличность преступного деяния (агитация против изъятия церковных ценностей), постановил: привлечь Казанского Василия Павловича к следствию по обвинению в выпуске и распространении ответа Петроградскому Помголу как агитационного средства для противодействия изъятию церковных ценностей.

Избрать меру пресечения способов уклонения от суда и следствия – подписку о невыезде из Петрограда».

Но это не испугало митрополита.

Твердо и уверенно встречает он новое испытание…

3

Встреча обновленца протоиерея Александра Введенского с митрополитом Вениамином состоялась 26 мая…

К сожалению, разговор между ними происходил наедине, и никаких свидетельств, кроме «Открытого письма митрополиту Вениамину протоиерея Введенского», не осталось.

«Вы ждете моего покаяния. В чем? Какова моя вина? – с истерической запальчивостью писал в своем письме Александр Иванович. – Состава преступления у меня нет, с одной стороны, а с другой, если бы и был, ваша указываемая бумага и тогда была бы неправильна с формальной стороны. Почему вы не передали меня церковному суду? Потому что вы хорошо знали и знаете, что меня не в чем обвинить. Вы мне ставите в вину то, что я – член Высшего Церковного Управления Русской Православной Церкви. Да, согласно резолюции святейшего патриарха Тихона от 5 мая *(18 мая по новому стилю. – **Н.К.**)* мне вместе с некоторыми епископами и священниками поручено временное ведение дел Высшего церковного управления. Об этом вы знали, так как 26 мая я предъявил вам свой мандат № 13 за подписью епископа Леонида и печатью ВЦУ, где говорится об этой патриаршей резолюции. Я вам указал, что подлинная резолюция Святейшего патриарха хранится в Москве в делах ВЦУ (Троицкое патриаршее подворье, 2-й Троицкий переулок). И там его *(кого? – **Н.К.**)* могут видеть все желающие…»

Как видно из этого документа, в Александре Ивановиче Введенском после захвата патриаршей резиденции, когда Введенский назначил себя заместителем председателя Высшего церковного управления, тоже произошли решительные перемены.

Забывая о прежних демократических обновленческих замашках, он исполнен теперь внешней почтительности к церковной иерархии и обычаям церкви. Он даже не пользуется введенным большевиками новым календарным стилем. Кроме того, появляется в нем и столь несвойственное его натуре, переходящее в формализм законопослушание.

«Открытое письмо», конечно, не лучший источник для воссоздания картины происходившей 26 мая беседы, но очевидно, что аргументация самого Введенского сохранена в письме без изменения.

Увы… Совершившиеся в Александре Ивановиче перемены не коснулись его склонности к авантюрам. Все свои доказательства он строил на подлоге. Как известно, в резолюции патриарха Тихона обновленцам поручалось, да и то с многочисленными оговорками, лишь «принять и передать дела». Введенский же говорит о «ведении дел». Разница существенная…

И тут мы снова должны попытаться понять, на что же рассчитывало ГПУ, снаряжая Александра Ивановича Введенского в Петроград? Да, патриарх был надежно изолирован, и навести у него справки было невозможно. Судя по тому, что Введенский с запальчивостью изобличенного мошенника твердил, дескать, любой человек может познакомиться с резолюцией патриарха, резолюция эта тоже была упрятана достаточно надежно.

Но ведь митрополиту Вениамину и не потребовалось наводить справки!

Без всяких справок понимал он, что патриарх Тихон просто не мог, пусть даже и временно, передать церковную власть в руки Александра Введенского.

Мы знаем, что Введенский гордился тогда своей способностью «уговорить и стену». Не менее наглой самоуверенностью обладали и другие обновленцы. Так что с ними все ясно…

Но начальник VI отделения Секретного отдела ГПУ Е.А. Тучков, курировавший операцию по захвату церковного управления, всегда отличался здравомыслием и практичностью. Он-то должен был понимать, что митрополита Вениамина обмануть все равно не удастся…

Думается, что Тучков и не рассчитывал, что митрополит поверит Введенскому. Тучкову было достаточно, если бы митрополит сделал вид, что поверил, или хотя бы вступил в переговоры с ВЦУ на предмет выяснения законности и полномочий этого органа…

4

Митрополит Вениамин не оправдал надежд Е.А.Тучкова.

Спокойно выслушав повествование Александ-

ра Ивановича Введенского о том, как несчастный патриарх Тихон в силу сложившихся обстоятельств вынужден был передать управление Русской Православной Церковью Введенскому, Красницкому и Белкову, и, даже не взглянув на предъявленный Введенским мандат, митрополит объявил, что отлучит от Церкви всех троих, если они не опомнятся и не принесут покаяния в самовольном захвате церковной власти.

Это был сокрушительный удар…

Под разящим духовным мечом разлетелись все хитросплетения и интриги, и Введенский униженно начал канючить, что если владыка не доверяет ему, пусть отдаст его под церковный суд и суд выяснит все обстоятельства и примет правильное решение.

Церковный суд – дело шло о похищении патриаршей власти – состоялся бы в Москве, и организовывало бы его все то же ВЦУ. Не составляет труда предугадать исход подобного суда.

Но митрополит не поддался и на эту уловку.

Аудиенция была закончена, а вечером Александр Иванович Введенский получил из канцелярии митрополита уведомление, что если он не принесет покаяния, то 28 мая, в воскресенье, по всем петроградским храмам будет возвещено о его отпадении от Церкви.

Суббота была тогда выходным днем, и Александр Иванович, несмотря на все хлопоты, так и не сумел связаться с нужными начальниками, чтобы они каким-либо образом предотвратили готовящийся удар.

28 (15) мая послание митрополита Вениамина было прочитано в петроградских церквах:

«Тревожно бьются сердца православных, волнуются умы их. Сообщение об отречении Святейшего Патриарха Тихона, об образовании нового высшего церковного управления, об устранении от управления епархией Петроградского митрополита и т.п. вызывает великое смущение. Вместе с вами, возлюбленная паства, переживаю сердечную тревогу, со скорбью наблюдаю волнение умов и великое смущение верующих. Чувствую вашу чрезвычайную потребность слышать слово своего архипастыря по поводу всего переживаемого Церковью. Иду навстречу этой потребности. От Святейшего Патриарха никакого сообщения об его отречении и учреждении нового высшего церковного управления до сего времени мною не получено, поэтому во всех храмах епархии по-прежнему должно возноситься его имя. По учению Церкви епархия, почему-либо лишенная возможности получить распоряжение от своего Патриарха, управляется своим епископом, пребывающим в духовном единении с Патриархом. Епархиальный епископ есть глава епархии. Епархия должна быть послушна своему епархиальному епископу и пребывать в единении с ним. «Кто не с епископом, тот не в Церкви», – говорит муж апостольский Игнатий Богоносец. Епископом Петроградским является митрополит Петроградский. Послушаясь ему, в единении с ним – и вы будете в Церкви. К великому прискорбию, в Петроградской церкви это единение нарушено, петроградские священники: протоиерей Александр Введенский, священник Владимир Красницкий и священник Евгений Белков, без воли своего митрополита отправились в Москву, приняв там на себя высшее управление церковью. И один из них, протоиерей А. Введенский, по возвращении из Москвы объявляет об этом всем, не предъявляя на это надлежащего удостоверения Святейшего Патриарха. Этим самым по церковным правилам (Двукр.собор; прав. Вас.Великого) они ставят себя в положение отпавших от общения со Святой Церковью, доколе не принесут покаяния пред своим епископом. Такому отлучению подлежат и все присоединяющиеся к ним. О сем поставляю в известность протоиерея А.Введенского, свящ. В. Красницкого и свящ. Е.Белкова, чтобы они покаялись, и мою возлюбленную паству, чтобы никто из них не присоединялся к ним и через это не отпал от общения со Святой Церковью и не лишил себя ее благодатных даров.

Слушайтесь Пастыреначальника нашего Господа Иисуса Христа. Да будете все едины с вашим архипастырем. Чтобы никто из вас не погиб, слушайте своего епископа со слов Господа. «Слушающий вас Меня слушает» (Лк.10, 16). Блюдите единение веры в союзе мира (Ефес.40, 3). И Бог любви и мира да будет с вами.

Вениамин митрополит Петроградский,
15/28 мая 1922 г.».

Воистину грозный блеск разящего меча святого Александра Невского заключен в этом послании. Так получилось, что митрополиту Вениамину выпало первым выступить против выкравших высшую церковную власть обновленцев, и он предстал перед ними как грозный воин.

Страшен был удар, нанесенный им.

Владимир Дмитриевич Красницкий скажет потом на процессе:

– Вот письмо на имя председателя ВЦИК товарища Калинина. Патриарх Тихон говорит: нахожу полезным для блага церкви поставить временно до созыва собора или Ярославского митрополита Агафангела, или митрополита Петроградского Вениамина. Так что здесь, хотя имя митрополита Вениамина было, патриарх Тихон послал нас к Агафангелу – его воля была нас послать и к митрополиту Вениамину. И вот в это время, когда мы наладили управление, когда мы ожидали прибытия Агафангела, то для оповещения послан был в Петроград личный друг митрополита Вениамина отец Александр Введенский, который как раз взял на себя эту миссию ввиду особенно дружественных отношений к митрополиту – поставить его в известность об этом событии. И вдруг мы узнаем совершенно невероятную вещь. На основании слухов, дошедших до митрополита, он нас троих отлучил от церкви… Патриарх сказал нам: «Вы знаете, я никогда не искал патриаршества, и когда вы меня освободите от патриаршества, я буду вам чрезвычайно благодарен». Это были его последние слова. В это-то время… вдруг получаем документ, собственноручное послание Вениамина, в котором он нас троих отлучает от церкви. Это был, конечно, самый большой удар, который нанесли нашему Церковному управлению представители монашествующего духовенства…

5

В.Д. Красницкий давал эти показания, когда отлучение с обновленцев по настоянию ГПУ было снято епископом Алексием Симанским.

Но страх Владимира Дмитриевича не рассеялся и тогда.

Каково же чувствовал себя Александр Иванович Введенский, когда послание митрополита только-только было оглашено в храмах?

Судя по всему, Введенского охватила паника.

В тот же день он явился к митрополиту Вениамину в сопровождении Ивана Петровича Бакаева, которому в свое время было поручено возглавить кампанию по решительному и беспощадному изъятию церковных ценностей. Вообще-то, появляться в обществе такого человека главе обновленцев не полагалось, но Александр Иванович совсем потерял голову. Тут, когда прахом шло все выстраданное в кабинетах ГПУ дело, было уже не до щепетильности. Введенский попросил Бакаева потребовать от митрополита, чтобы тот дезавуировал свое послание.

Иван Петрович Бакаев так и поступил.

По-чекистски прямо предъявил он митрополиту ультиматум.

Или-или.

Или митрополит снимает отлучение с Введенского, или его самого ожидает немедленный арест и расстрел.

– На все воля Господня… – ответил чекисту митрополит Вениамин. – Ступайте с богом.

О чем говорили Бакаев и Введенский, покидая митрополита, неизвестно. Но доподлинно известно, что уже через несколько часов Александр Иванович сидел в кабинете следователя Нестерова и торопливо, стараясь никого не забыть, давал показания:

«С сего числа я отлучен митрополитом от церкви за то, что являлся членом Высшего церковного управления. После выхода декрета, на масленой неделе, состоялось собрание благочинных, на которое я допущен не был. По слухам, там вырабатывалась точка зрения на декрет. По окончании недели я был приглашен на собрание, где профессор Новицкий от имени правления произнес мне порицание за мое письмо в «Правду»…»

Нет нужды воспроизводить весь протокол этого допроса.

Следователь Ф.П. Нестеров не успевал записывать сыплющийся из Введенского компромат. Так много хотелось Александру Ивановичу настучать, что он согласился прийти на следующее утро и продолжить свои показания.

И пришел ведь.

Охваченный доносительским вдохновением, он продолжал закладывать своих бывших друзей:

«На вопрос следователя – была ли профессором Бенешевичем произнесена фраза «приходится верить, что согласно предсказаниям наступает конец этой большевистской власти. Она теперь напивается церковной крови и потому должна погибнуть»? – Введенский ответил: в заседании в Богословском институте, на котором обсуждались тезисы моего доклада «Церковь и голод», на котором

присутствовали Бенешевич, Белков, Быков, Бриллиантов, Карабанов и я – такая фраза, насколько помню, была произнесена. Только не помню: «кровью», «церковными силами» или «церковью»… Но в связи с разрушением церкви погибнуть… Я только не ручаюсь за стенографическую точность этой фразы… Она гласила приблизительно так: «Поневоле приходится верить всем этим пророчествам, что советская власть погибнет, гибель подходит, так как теперь власть напивается церковным соком (или кровью)». Такую фразу я сам слышал на заседании, причем она была сказана в речи профессора Бенешевича…»[36]

Венцом же этого воистину вдохновенного стукачества Александра Ивановича Введенского является его заявление, написанное прямо на бланке следчасти Петроградского губернского революционного трибунала:

«В Ревтрибунал. Прошу предоставить мне возможность выступить на процессе с защитительной речью. Я собираюсь вскрыть и подчеркнуть все язвы церковности, все заигрывания церкви с контрреволюцией, но вместе с тем просить пощады этим личностям как таковым.

Протоиерей А. Введенский».[37]

Ах, Александр Иванович! Александр Иванович…

Какое надо сердце иметь любвеобильное, как самому надо это сердце свое любить в себе, чтобы, излившись потоком самых подлых доносов, хотя бы в глазах следователя Нестерова попробовать возвыситься над теми, кого ты закладывал.

Как-то особенно ясно понимаешь тут, почему чекист Е.А. Тучков потом «с величайшим презрением» отзывался об Александре Ивановиче Введенском. Судя по характеру записи, с трудом сдерживал свое презрение к Введенскому и следователь Ф.П. Нестеров.

Но презрение презрением, а служба службой.

В этот же день, исполняя указание вышестоящих товарищей, Ф.П. Нестеров пишет постановление:

«Я, следователь Петроградского Губернского Революционного Трибунала Нестеров, рассмотрев следственный материал по делу о противодействии при изъятии церковных ценностей и принимая во внимание, что оставление при свободе привлеченного в качестве обвиняемого Митрополита Петроградского Вениамина (он же Казанский Василий Павлович) может вредно отразиться на ходе следствия по настоящему делу,

ПОСТАНОВИЛ: меру пресечения уклонения от суда и следствия изменить и подвергнуть Казанского Василия Павловича домашнему аресту».[38]

«Вы знаете, – говорил в эти дни Введенский. – Утверждают, что я предался, что я заключаю в тюрьмы и что я виновник бесчисленных бед. Может быть, если бы я вам сказал, что это не так, вы бы мне не поверили. Конечно, я скажу, что это не так, и все-таки многие мне не поверят, но у меня есть и известное объективное, с чем я могу выступить здесь, я позавчера подал в Революционном Трибунале заявление, просьбу письменную, чтобы мне разрешили выступить на суде защитником митрополита и всех прочих привлеченных к этому делу…»[39]

Эти слова, произнесенные А.И. Введенским во Дворце им. Урицкого, мы цитируем по изданной в смольнинской типографии брошюре.

Лекция была отредактирована Введенским уже после того, когда его свалил камень, брошенный в вождя обновленчества у здания филармонии, где проходил процесс. Камень этот если и не поубавил злобы в Александре Ивановиче, то научил его не проявлять так открыто своих эмоций. До камня, судя по воспоминаниям очевидцев, Введенский был еще более откровенен, чем в своей книге.

«В Духов день делал доклад протоиерей Введенский. Он публично сообщил, что расстрел пяти священников в Москве был ответом на его отлучение от церкви, – свидетельствовал протоиерей Павел Антонович Кедринский. – Я эти слова понял как террор по отношению к духовенству. Я понял, что Введенский клевещет на Советскую власть. Введенский сказал, что исход настоящего процесса зависит от постановления Пастырского собрания…»[40]

Введенский защищал себя, не брезгуя никакими средствами. Точно так же, защищая протопопа-чекиста, работали ГПУ и агитпроп.

Уже 30 мая «Петроградская правда» вышла с шапкой на первой полосе: «Вениамин Петроградский раскладывает костер гражданской войны, самозванно выступая против более близкой к народным низам части духовенства. Карающая рука пролетарского правосудия укажет ему настоящее место!»

«Митрополит Вениамин, бросая вызов лояльной части духовенства, – вещала газета, – мало того, что раздувает костер гражданской войны внутри

церкви, он через головы ее бросает вызов и Советской власти. Он идет дальше самого патриарха Тихона, своевременно отошедшего в сторону под давлением низов… Поджигатель в белом клобуке… он брызжет бешеной слюной в своих противников… не может примириться, что его подлая роль сыграна».

В тот же день, 30 мая, на заседании Бюро губкома РКП(б) было решено форсировать подготовку процесса «о попах».

Главным обвиняемым Бюро обкома назначило митрополита Вениамина…

6

Александр Иванович Введенский рассчитывал, что процесс над митрополитом Вениамином станет его, Введенского, триумфом.

Триумфа не получилось.

Более того, несмотря на ошибку, допущенную епископом Алексием Симанским, ничего непоправимого в деле борьбы с церковными самозванцами не произошло.

18 июня, когда на петроградском процессе завершился наконец допрос основных обвиняемых, вся Россия услышала голос запертого в Ярославле митрополита Агафангела.

«Благодать вам и мир от Бога и Отца нашего и Господа Иисуса Христа! – писал назначенный Патриархом Тихоном своим заместителем Ярославский митрополит… – Я лишен и доныне возможности отправиться на место служения… Между тем, как мне официально известно, явились в Москве иные люди и встали у кормила правления Русской церкви. От кого и какие на то полномочия получили они, мне совершенно не известно. А поэтому я считаю принятую ими на себя власть и деяния их незаконными… Возлюбленные о Господе Преосвященные Архипастыри! Лишенные на время высокого руководства, вы управляйте теперь своими епархиями самостоятельно, сообразуясь с Писанием и священными канонами, впредь до восстановления Высшей церковной власти окончательно. Решайте дела, по которым прежде спрашивали решения Священного Синода, а в сомнительных случаях обращайтесь к нашему смирению. Честные пресвитеры и все о Христе служители Алтаря и Церкви! Вы близко стоите к народной жизни. Вам должно быть дорого его просвещение в духе православной веры. Умножайте свою священную активность. Когда верующие увидят в вас благодатное горение духа, они никуда не уйдут от своих святых алтарей. Братья и сестры о Господе, наши пасомые! Храните единство святой веры в образе братского мира, не поддавайтесь смущению, которое новые люди стремятся внести в ваши сердца. Не склоняйтесь к соблазнам, которыми они хотят обольстить вас».

Владимир Дмитриевич Красницкий говорил на процессе о самом большом ударе, который нанесло ВЦУ отлучение Введенского, Красницкого и Белкова митрополитом Вениамином.

Послание митрополита Агафангела тоже удар.

И удар сокрушительный для ВЦУ.

Говорят, что когда Е.А. Тучков прочитал это послание, его самого едва не хватил удар…

И все-таки Красницкий все равно отдавал приоритет удару, нанесенному митрополитом Вениамином. Только ли потому, что Владимир Дмитриевич давал показания против митрополита Вениамина?

Нам кажется, что Красницкий тут проявил известную долю объективности. Вполне ведь возможно, что, не предпринимай своих решительных действий митрополит Вениамин, не решился бы опубликовать свое послание и митрополит Агафангел. Может быть, чекистам и удалось бы уговорить его отмолчаться…

Мы говорим все это не для того, чтобы принизить роль митрополита Агафангела в борьбе с обновленцами. И, конечно, не для того, чтобы приподнять митрополита Вениамина.

В этом нет нужды.

Исполненная подлинного величия картина открывается перед нами.

Падает, сраженный бесчисленными врагами, богатырь, но – рано торжествовать нечисти! – на смену ему поднимается другой богатырь. Подвигами Петроградского и Ярославского митрополитов, по сути дела, открывается страница деятельной борьбы православной церкви с перерожденческой ересью.

Трагическим и пронзительным светом этой борьбы озарены последние годы земной жизни святителя Тихона.

На долгие и долгие годы затянется борьба.

Именами десятков новомучеников российских пополнится Собор русских святых. И все они, проходя сквозь ад тюрем, пересылок и лагерей, бесстрашно уходя на расстрел, без сомнения вспоми-

нали о подвиге, совершенном митрополитом Вениамином, снова и снова, в который уже раз повторяли его подвиг, начавшийся возле раскрытых мощей святого благоверного князя Александра Невского.

И нет, нет ничего случайного в Божьем мире!

И не напрасны были принесенные Русской Православной Церковью жертвы. Великое очищение приняла она, проходя через горнило неимоверных испытаний…

7

А в наше время?

Все мы были свидетелями, как митрополит Ленинградский и Ладожский Алексий выносил раку с мощами святого князя из Казанского собора, где долгие десятилетия были заточены они в цитадели атеизма.

Тогда в безумной эйфории 1990 года далеко не все прозревали надвигающуюся на Отечество беду и, конечно же, никто не мог угадать размеров грядущей катастрофы…

Но, как всегда в роковую годину, перед нашествием прикинувшихся друзьями иноплеменников явился к нам святой князь Александр Невский, и разве не его заступлением произошло чудо, которому мы все свидетели…

Возле обретения святых мощей Александра Невского митрополит Алексий превращается в святейшего патриарха Алексия II, которому суждено было на развалинах гибнущей Советской державы начать дело возрождения Святой Руси…

Чуть отвлекаясь, напомню, что подобное чудесное преображение уже происходило в нашей истории.

8 июля 1579 года казанский священник Ермолай поднял из золы пепелища чудотворный образ Казанской Божией Матери, чтобы показать народу, и сам стал первым чудом, совершенным этой иконой. Прошло всего несколько лет, и в безвестном иерее во всей духовной мощи явился народу облик великого святителя, патриарха Гермогена, подвигу которого во многом и обязаны мы спасением нашего Отечества в смуте 1612 года.

Разумеется, со временем точнее можно будет оценить деятельность патриарха Алексия II, но и сейчас уже ясно, что нам некого поставить рядом с ним. Никто из наших современников по масштабу своих созидательных свершений и близко не приближается к тому, что было совершено Святейшим патриархом Алексием II…

Более того…

Я думаю, что церковные историки будущих столетий, оглядывая свершения нашего Святейшего патриарха, окажутся в затруднении, пытаясь найти в церковной истории другую, близкую по масштабу созидательных свершений, фигуру. Ведь это благодаря его трудам и молитвам практически из небытия возродилась и стала реальностью Святая Русь.

И разве не ощущали мы в этих великих духовных свершениях патриарха мощную поддержку и заступление Александра Невского?

И вот что поразительно… Если одним из последних деяний патриарха Алексия II в сане митрополита Ленинградского и Ладожского стало освобождение святых мощей благоверного князя Александра Невского, то ведь и у патриарха Кирилла одно из последних деяний, совершенных им в сане митрополита Смоленского и Калининградского, тоже было связано с именем Александра Невского.

Казалось бы, уместно ли, говоря о патриарших свершениях, вспоминать телешоу «Имя твое Россия», где митрополиту Смоленскому и Калининградскому удалось так представить святого благоверного князя Александра Невского, что именно его имя и было названо «именем России».

Можно ли вообще рассматривать это событие в ряду духовных событий?

Вопросы эти вполне резонны, но мы уже говорили об атаке, которую развернули против Александра Невского в конце XX века наши отечественные апологеты идеи поражения СССР в холодной войне.

«Есть такой сатана русской истории – Александр Невский, – писал тогда в «Огоньке» один из таких деятелей. – У него была цель – княжить во Владимире, и ради шкурных интересов он насадил на Руси лютое татарское иго. И сделал это самым гнусным образом – предав брата…»

Отражая его атаку, пресекая нечестные попытки представить предателем святого князя, и строил свое выступление будущий патриарх. И выступление его перерастало рамки телешоу, оно становилось ответом всей Русской Православной Церкви на навязываемую нам идею поражения нашей страны в холодной войне.

Ведь занимаясь воспитанием детей, обращаясь к великой истории нашей страны, мы не имеем права повторять ошибки, совершенные прекраснодушными либералами позапрошлого и прошлого века!

Мы не можем в угоду прозападной публике вычеркнуть из нашей истории святого благоверного князя, потому что с историей, в которой его нет, наша страна может прийти только к очередной катастрофе!

Именно эти мысли определяли пафос выступлений будущего патриарха, именно осознание этого факта и собирало голоса телезрителей!!!

И если мы вспомним, что победа, одержанная будущим патриархом, была совершена на нашем безнравственном и преимущественно атеистическом телевидении, значение её не просто возрастает и укрупняется, но и приобретает смысл обетования будущих побед России и торжества православного духа. Эта одержанная в телешоу победа становится вполне соразмерной тому деянию, что было совершено в Ленинграде с Алексием II в конце его митрополиточьего служения…

* * *

К сожалению, значение Александра Невского в возрождении России понимают не только люди, которые стремятся возродить великую страну, но и ее противники. Чем иначе объяснить то ожесточение, с которым уничтожаются храмы Александра Невского на территории бывших союзных республик?

Одна из последних акций такого рода – уничтожение 23 ноября 2009 года в Ташкенте прекраснейшего храма Александра Невского, построенного по проекту Алексея Бенуа на Боткинском кладбище.

И как тут не вспомнить, что именно в этом храме, передавая прихожанам образ святого князя Александра Невского, 11 ноября 1996 года покойный патриарх Алексий II сказал: «Пусть молитва севера Руси объединяется с вашей молитвой здесь, на юге Средней Азии, – молитва к одному святому, молитвеннику, предстателю за всех нас перед Престолом Господним».

Без сомнения, Святейший патриарх говорил тут о государствообразующей молитве, которую нес в себе святой благоверный князь Александр Невский, той молитве, которую пытаются прервать движимые личным властолюбием и эгоизмом политические деятели. Они объявили себя национальными элитами, но какие это элиты, если собственные, личные и групповые интересы они противопоставляют – вспомните о трех империях, что существовали на территории нашей страны! – воле Божией…

Эта молитва святого князя Александра Невского и должна звучать в нас всегда, если мы желаем, чтобы наша страна возродилась не так, как это удобно США и НАТО, а в том виде, в каком наша страна нужна Богу.

ЭПИЛОГ

Со Ангелы и всеми Святыми предстоиши ныне Христу, блаженне Александре, моляся о любовию чтущих тя: темже, поминающе, яко измлада Христа возлюбив, к небесным духом прилепился еси, бесплотных подражав житию, ублажаем тя, вопиюще: Радуйся, веры Христовы непобедимый исповедниче.

Акафист Александру Невскому. Искос первый

Удивительно ёмким сделалось время… Вспоминаешь, что было год назад, и кажется, будто прошли десятилетия. Ну, а события, отделенные десятилетиями, – это совсем другая эпоха.

Даже и жили тогда мы в другой стране…

Иногда кажется, что жить в СССР было лучше. У каждого человека была уверенность в завтрашнем дне, жизнь была надежнее, но…

Вот об этом «но», предаваясь ностальгическим воспоминаниям, мы и не вспоминаем обычно, хотя без него и шагу нельзя было ступить в прошлые времена.

Об этом «но» и думал я, слушая рассказ санкт-петербургского протоиерея Николая Головкина[41] об обретении мощей святого благоверного князя Александра Невского…

1

– Тогда, в девяностом году, кажется, еще ничего и не возвращали Церкви… – рассказывал отец Николай. – А я начал хлопотать, и мне повезло. Директор Музея религии и атеизма проконсультировался с министром культуры, и решено было передать Софийскому храму облачения и шестьдесят пять икон. Так получилось, что вскоре я в храм Александра Невского перешел и иконы эти уже отец Геннадий Зверев получил… Но я про другое… Когда только

стало известно о решении министра, радость была у нас великая. Митрополит Алексий тоже обрадовался, потому что это ведь первая ласточка была… Не передавали еще ничего тогда… И вот вызывает меня к себе владыка и говорит, дескать, у тебя с музеем наладился контакт, попробуй разузнать, сохранились ли мощи святого благоверного князя Александра Невского… Только осторожно… Не спугни их! Помни, что бывали случаи, когда специально уничтожали мощи святых угодников…

Протоиерей Николай Головкин замолчал, задумавшись.

Молчал и я, с трудом пытаясь припомнить те немыслимо далекие времена.

– Неужели это в девяностом году было? – искренне удивился я. – Так недавно?

– В девяностом… – сказал отец Николай. – В самом начале… Я как раз в храме Александра Невского начал служить. И вот однажды, после литургии, я и говорю прихожанам: «Помолимся теперь, православные, обо мне! Ведь сейчас я пойду в музей и буду просить, чтобы они мощи нашего святого благоверного князя вернули…»

Встали мы на колени, молимся, а у меня по щекам слезы текут. Думаю: «Надо же… Я – грешный человек, а такого святого мощи обрести попытаюсь… Что это владыка своим умом думает? Неужели другого иерея для такого дела не нашлось?»

Но обошлось все, слава богу. И мощи, как выяснилось, целы были. И договориться удалось, что посреди Казанского собора их выставят, когда митрополит Алексий прибудет…

На Великом посту, в среду, владыка и приехал в Казанский собор.

Мы молебен отслужили, тропарь спели…

Потом митрополит раку открыл. Выложил из нее мощи святые на стол. Осмотрели их. Потом назад собрали и запечатали, как положено, раку.

И вот митрополит уж отошел, а я смотрю и вижу – на белой скатерти точечка какая-то чернеет… Я ее пальцем взял, показываю всем и говорю:

– Частичка!

Владыка тогда благословил меня взять ее.

– Это, – говорит, – награда тебе за труды!

Все на меня смотрят, а я стою, частичку святых мощей держу в пальцах и не знаю, что делать теперь. Сунул руку в карман, а там – чистый конверт оказался. Жена мне его, когда из дома уходил, зачем-то засунула, как будто знала, что будет… Я в этот конверт и опустил частичку. Потом я ее в свой наперстный крест вставил…

Отец Николай смолк, снова переживая то, что испытывал тогда.

Молчал и я.

– Да… – прервал молчание отец Николай. – Там ведь еще историк один был… Он рядом со мной стоял, и когда я частичку в конверт вложил, он засуетился… Начал скатерть осматривать. Перевернул даже… «Как же так? – говорит. – Я ведь рядом стоял… Почему не я частичку увидел?!»

И погасла улыбка отца Николая, унося с собою незадачливого историка.

Отец Николай перекрестился и проговорил:

– О, Святой Благоверный великий Княже Александре! От благоговейных сердец приносимую ти, аще и недостойную, хвалебную песнь сию, приими от нас, яко усердную жертву сердец, любящих тя и ублажающих святую память твою…

Вот такое чудо произошло. Я начал хлопотать о возвращении мощей, и мне же, грешному, и досталась частичка их. Один я ее тогда на скатерти и разглядел…

2

Однако чудо обретения отцом Николаем частички мощей святого благоверного князя на этом не завершилось.

На следующий день, проходя по храму, он услышал странный разговор.

– Вроде этот батюшка… – говорила одна женщина, глядя на отца Николая.

– Этот-этот! Я сразу узнала… – отвечала другая.

Разговор отцу Николаю показался странным, потому что женщин он видел впервые.

После службы они подошли к нему…

Оказалось, что женщины эти были незнакомы друг с другом… В церковь они ходили, хотя и не выбрали еще постоянного храма. И вот увидели во сне святого благоверного князя Александра Невского. Он и привел их во сне к незнакомой церкви. Несколько дней потом искали женщины эту церковь и нашли. Одновременно обе нашли…

– Такую вот историю женщины мне поведали… – завершая рассказ, проговорил отец Николай.

– А почему они говорили, что вас узнали? – спросил я.

– Так они во снах своих и батюшку видели в церкви. Вот и показалось им, что на меня похож! А может, и не показалось… Я, когда сны им эти снились, как раз и надел на себя крест с частичкой мощей святого благоверного князя…

3

Записывая рассказ протоиерея Николая Головкина, я и предположить не мог, что мне доведется встретиться с продолжением этой истории уже в собственной жизни.

В тот день мы ездили в Колпино…

Мы – это литераторы, члены Союза писателей России. Представители, так сказать, патриотического направления…

Принимали нас в Колпино неплохо. Послушали наши речи во Дворце культуры, показали заводской музей, потом пригласили на застолье…

И все шло хорошо, пока не заговорили наши хозяева о славной истории Колпино, вернее, пока не начал рассказывать тамада о встрече Петром I мощей святого Александра Невского…

– Да-да! – отвечая на заданный вопрос, подтвердил он. – Здесь у нас, где Ижора впадает в Неву, и встречал Петр I раку с мощами, когда ее везли в Петербург из Шлиссельбурга! Так вот… – тамада поднял руку, призывая всех к вниманию. – Вот… Когда раку вынесли на берег, Петр I приказал вскрыть ее…

Здесь рассказчик сделал многозначительную паузу, стремясь усилить интригу повествования, и только затем продолжил речь.

– Представляете?! – сказал он. – Рака оказалась… пустой!

– Почему пустой?! – спросил кто-то.

– Почему оказалась пустой, не знаю… – тут опять последовала многозначительная пауза. – Но что сделал тогда Петр Алексеевич, это доподлинно известно.

– И что же он сделал?!

– Что? – рассказчик улыбнулся. – Петр Алексеевич приказал набрать разных костей, что валялись на берегу. Сложили их в раку, запечатали и повезли в Петербург!

Рассказчик поднял бокал, намереваясь, по-видимому, произнести теперь тост за находчивость первого русского императора, но тут, при всем почтении к хозяевам встречи, я уже не смог промолчать…

– Скажите… – спросил я. – Вы эту историю не у Емельяна Ярославского вычитали?

– Что вы?! – простодушно возразил рассказчик. – Мне ее рассказал один историк. Он, между прочим, когда в 1990 году вскрывали в Казанском соборе раку с мощами, сам присутствовал при этом. Он говорил, что сам эти бараньи кости видел…

– Я, кажется, догадываюсь, о каком историке вы говорите… – сказал я. – По-моему, это о нем протоиерей Николай Головкин рассказывал. Ваш историк что?.. Раньше научный атеизм преподавал?

– Почему вы так говорите? – обиделся тамада. – Это наш человек. Патриот…

4

Что тут можно было сказать?..

И так уже неприлично долго для дружеского застолья затянулся наш диалог, и так уже возмущенно поглядывали на меня товарищи по патриотическому цеху, которым мешал я сейчас наводить мосты с народными массами.

Да ведь и не в доверчивом тамаде было дело!..

Вот историк-патриот действительно весьма любопытным типажом оказался.

В принципе, можно понять, когда различные толерантно-либеральные «исследователи» хлопочут, пытаясь превратить национального героя и святого в предателя своей родины. Им за это деньги платят, гранты разные дают… Вот и стараются они помочь мировой общественности взять через восемь столетий реванш над Россией.

Тут, собственно, и говорить не о чем…

А вот с историком-патриотом всё сложнее…

Федору Михайловичу Достоевскому бы такой подпольный характер!

Ведь ни в какие бараньи кости наш историк, разумеется, не верил, коли с такой тщательностью перетряхивал скатерть в поисках еще одной прилипшей к скатерти частицы, а с другой стороны – этакая злобная мстительность.

Не мне досталась частичка мощей, – так получите же! Черной клеветою отомщу не давшимся мне святым мощам!

Но все это – сверху. Полувера… Полуатеизм… А чуть глубже – отсутствие страха божия, дерзость… Еще глубже – теплохладность, равнодушие и к ве-

ре, и к Родине, и к истории… И все это затянуто клубящимся ядом себялюбия и клокочущей гордыни… А на самом донышке – мертвое равнодушие и к самому себе, и к своей собственной душе…

5

Впрочем, так ли уж далеко мы сами ушли от этого историка?

Я сам помню, как выносили раку с мощами святого князя из Казанского собора, где на долгие семьдесят лет были заточены в музее атеизма его святые мощи.

Поднятая на руки, рака торжественно выплыла из-за колонн Казанского собора…

Кругом толпился народ.

Мне досталось только краешком увидеть торцевую сторону раки.

«Александре, моли Бога», – было написано там.

Всего три слова из опоясывающей раку молитвы.

Но в них – весь наш 1990 год.

Как всегда в роковую годину явился к нам святой князь Александр Невский, а мы не знали даже, о чем надобно просить святого.

Лишь немногие в безумной эйфории тех дней прозревали надвигающуюся на Отечество беду. Размеры же грядущей катастрофы не угадывал, наверное, никто…

И все же Александр Невский пришел и тогда, как всегда являлся русским людям, когда нужна была России его помощь и заступничество.

Приходил, чтобы повести к Победе и на поле Куликовом, и в Великой Отечественной войне. Только и в 1380 году, и даже в 1937-м было кого вести…

А сейчас?..

6

Нет! Не может завершиться разговор о чудесах, связанных с мощами святого благоверного князя Александра Невского, горечью бессилия или унынием…

Необычное сборище можно было наблюдать 3 апреля 2005 года на пляже у Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге.

Среди столпившихся жителей мелькали ярко-красные рубахи мастеров петербургского общества кулачного боя, кольчуги русских воинов из клуба «Княжеская дружина», рыцарские доспехи членов военно-исторической ассоциации, собравшихся реконструировать на невском льду знаменитое Чудское сражение.

Почему реконструкцию сражения перенесли с Чудского озера к Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге, понятно. Берега Чудского озера снова, как в далекие времена Александра Невского, оказались пограничной зоной. Там стоят сейчас войска НАТО, и проводить празднество 763-й годовщины битвы на Чудском озере на ее историческом месте посчитали нетолерантным.

Зато у стен Петропавловской крепости толерантности хватало с избытком.

Был среди рыцарей даже… негр Андрей Альбокринов.

– Мы представляем здесь французский орден тамплиеров, – сказал он. – Питерцы вызвали нас в качестве поддержки.

Как написали потом в газетах, другой представитель «крестоносцев» Жан Багдасаров перед началом реконструкции битвы заявил, что «в ледовом побоище ливонские рыцари потерпели сокрушительное поражение от русских. Но сейчас мы попытаемся взять реванш»…

И такая попытка действительно была…

Во всяком случае, когда с криками «За святую Деву Марию!» пошли в атаку конные тевтонские рыцари, а следом за ними с опущенными забралами кинулись на войско Александра Невского пешие «кнехты», действительно возникло ощущение, что в упоении толерантностью организаторы праздника готовы изменить и сам ход русской истории.

Понятно, что история – это история и реконструкция любого доспеха – дело благое и полезное, но как-то неловко было смотреть на белорусских парней из минского клуба «Княжий гуф», облаченных в доспехи немецких рыцарей, как-то удручало, что воинов в русских доспехах на сцене было меньше, да и были они явно более почтенного возраста, чем «рыцари-крестоносцы»…

Тем не менее, несмотря на численное преимущество, рыцари все-таки «проиграли» сражение у стен Петропавловской крепости, как проиграли его они в реальной истории на льду Чудского озера.

«Мы гордимся, что смогли показать это сражение в городе, небесным покровителем которого является Александр Невский», – сказал в конце представления руководитель Санкт-Петербургской общест-

венной организации «Военно-исторический клуб «Княжеская дружина» Петр Васин.

Я слушал эти слова и думал, что святой благоверный князь и сейчас, когда войска НАТО снова стоят на Чудском озере, остается нашим современником и он и сейчас помогает нам выверять все свои свершения.

7

Уже дома, включив приемник, я сообразил, что народное гулянье, организованное в память очередной годовщины разгрома посланных на Русь Папой Римским рыцарей-крестоносцев, оказалось не совсем обычным.

Очень уж промыслительно оказалось смещено «представление» с 5 (18) апреля – историческая дата сражения на Чудском озере – на нынешнее воскресенье. Разумеется, толерантные устроители гуляний руководствовались тут чисто практическими соображениями: в среду не удалось бы собрать публику – и им даже и голову не могло прийти, с каким реальным событием совпадет это празднество.

Все выпуски новостных программ были посвящены кончине римского понтифика Иоанна Павла II, которая 2 апреля 2005 года и произошла в Риме.

Событие печальное, и можно было бы посочувствовать католикам в их невосполнимой потере «величайшего», как выразился один из комментаторов, «рыцаря гуманизма», но с другой стороны, не хотелось забывать и того, что для победы в холодной войне над СССР Иоанн Павел II тоже сделал немало.

А сколько разговоров было о его желании приехать в нашу страну!

И ведь наивно было бы думать, что римского понтифика влекла к нам тяга к путешествиям. И не просто как официальное лицо собирался приехать он в поверженную «империю зла». Нет… Обязательным условием визита лучшего друга Рональда Рейгана выставлялось, чтобы Святейший патриарх всея Руси сам и пригласил его, как бы признавая тем самым главенство римского престола и сдавая последний рубеж духовной самостоятельности нашей страны, закрепляя объявленную Соединенными Штатами победу в холодной войне.

И слушая, как Глеб Якунин и Яков Кротов исходят грязью в эфире радиостанции «Свобода», стремясь почувствительнее лягнуть нашего Святейшего патриарха за то, что по его вине так и не состоялся визит Папы Римского в Россию, мне трудно было отделаться от мысли, что весьма промыслительным оказался сегодняшний исход театрализованного сражения у стен Петропавловской крепости. Получалось, что этим уже неопасным, бессильным злобствованием и завершился очередной крестовый поход на Русь…

Страшное, беспрецедентное давление оказывала на патриарха Алексия II вся наша либеральная общественность, все наши правители, начиная с Горбачева и Ельцина…

И казалось, что невозможно противостоять этому, как невозможно было противостоять давлению партийных и чекистских властей священномученику Вениамину Петроградскому в 1922 году.

Но митрополит Вениамин выстоял.

Выстоял и Святейший патриарх Алексий II.

И разве не святой благоверный князь Александр Невский, в обретении мощей которого в 1990 году участвовал будущий патриарх, помог ему выстоять в этом противостоянии?

И, конечно же, это еще одно чудо, явленное святым благоверным князем. Конечно же, это еще один великий урок, преподанный нам…

Хотим мы расставаться с иллюзиями и пристрастиями или нет, готовы или не готовы к подвигу – это не важно.

Все равно нам придется идти за святым князем, и мы пойдем за ним.

И все равно одержим Победу.

Вначале над своими собственными страстями, над своей лживостью и соглашательством, а потом и над врагами нашей Родины и православия!

Мы победим, потому что: «Скорый помощниче всех усердно к тебе прибегающих и теплый наш пред Господем предстателю, святый благоверный великий княже Александре! Призри милостивно на ны, недостойныя, многими беззакониии непотребны себе сотворившия, ко святей иконе твоей ныне притекающия и из глубины души взывающия: ты в житии своем ревнитель и защитник православныя веры был еси, и нас в ней теплыми твоими к Богу молитвами непоколебимы утверди. Ты великое возложенное на тя служение

тщательно проходил еси, и нас твоею помощию пребывати коегождо, в неже призван есть, наставы. Ты, победив полки супостатов, от пределов Российстих отгнал еси, и на нас ополчающихся всех видимых и невидимых врагов низложи. Ты, оставив тленный венец царства земнаго, избрал еси безмолвное житие, и ныне, праведно венцем нетленным увенчанный, на небесех царствуеши, исходатайствуй и нам, смиренно молим тя, житие тихое и безмятежное, и к вечному Царствию Божию шествие неуклонное устрой нам. Предстоя же со всеми святыми престолу Божию, молися о всех православных христианех, да сохранит их Господь Бог Своею благодатию в мире, здравии, долгоденствии и всяком благополучии в должайшая лета, да присно славим и благословим Бога, в Троице Святей славимаго, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь», – с Александром Невским мы обязаны победить!..

Примечания

1 Еще в сентябре 1198 года папа Иннокентий III обратился к византийскому императору Алексею III с требованием об «объединении» (унии) христианских церквей и подчинении греческой церкви римскому престолу. Алексей III отклонил предложения папы, и уже в 1203 году крестоносцы, собравшиеся в IV крестовый поход, восстановили на византийском престоле царевича Алексея, ставшего императором Алексеем IV. Под общественным нажимом Алексей IV тоже вынужден был порвать с крестоносцами, так и не выполнив своих обещаний, и тогда само собою вспыхнуло народное восстание, и на византийский престол взошел Алексей Дука. Но и он предпочел уклониться от исполнения плана, предложенного папой римским, и тогда крестоносцы, защищая, как сказали бы сейчас, права человека, свергли и его. После захвата Константинополя крестоносцы открыто занялись «правозащитной» деятельностью. «Сами сарацины, – свидетельствовал византийский хронист Никита Хониат, – более добры и сострадательны по сравнению с этими людьми, которые носят на плече знак Христа». В результате Византия так и не смогла воспрянуть после 57-летней оккупации ее латинянами и оказалась в XV веке легкой добычей для турок. Небольшим островком православия оставалась тогда Никейская область, в которой пребывал православный патриарх, который и утверждал новых митрополитов для Руси.

2 Авдова гора – самое высокое место в северных окрестностях Юрьева. Ее современная высота – 225 метров над уровнем моря. Юрьева гора (максимальная высота 182 метра) поднимается над южным отрогом Авдовой горы.

3 12 июня по новому стилю.

4 Нынешняя Донецкая область.

5 Брат Александра, Федор Ярославович, с которым «делил» Александр новгородский престол, скончался 10 июля 1233 года, готовясь к свадьбе. Считается, что он был старшим братом Александра, но некоторые историки, исходя из обстоятельств, связанных с вынужденной разлукой родителей, полагают, что Федор и Александр были близнецами... И надо отметить еще одно удивительное совпадение. И дед Александра Невского, Мстислав Мстиславович, и отец, Ярослав Всеволодович, получили в крещении имя Федора, но в историю вошли именно как Мстислав и Ярослав. Вот и в Новгороде тоже Александр княжил вместе с братом Федором, но когда наступает время исторических свершений, Федор уходит. Зато остается печать Александра Ярославовича с изображением святого Федора Стратилата, которой он и пользовался все свое правление. Совпадение непонятное, но едва ли случайное...

6 Наказывая.

7 Нынешние Крестцы.

8 По преданию, Торопецкую икону, называвшуюся тогда Корсунской или Эфесской, привезли из Византии в XII веке благодаря хлопотам святой Евфросинии Полоцкой. В Торопец икону привезла Александра, внучатая племянница Евфросинии. С этой иконой полоцкая княжна и венчалась с девятнадцатилетним князем Александром Ярославовичем... С тех пор, кажется, и началось особое почитание этого образа. Как свидетельствуют предания, не раз Чудотворная икона спасала город Торопец от набегов неприятеля и эпидемий. В центре города специально для этой иконы был выстроен величественный Корсунско-Богородицкий собор, где Чудотворный образ и хранился до 1921 года.

В Торопце, вблизи этой Чудотворной иконы, прошло детство и отрочество сына здешнего священника Иоанна Белавина, которому в страшные годы большевистских гонений, будучи уже патриархом Тихоном, суждено будет возглавить Русскую Православную Церковь и провести ее по крестному пути. В 1921 году Корсунско-Богородицкий собор был закрыт, и Чудотворную икону Богоматери увезли в местный краеведческий музей, откуда ее в 1936 году забрали в Государственный Русский музей. Чтобы доказать «молодость» иконы, излишне ретивые «реставраторы» частично «расчистили» икону до основания, но сейчас Торопецкая икона Божией Матери, слава Богу, вырвана из их рук и временно находится в храме Александра Невского в поселке Княжье Озеро под Москвой.

9 Лицевой летописный свод. Лаптевский том. Лист 898 об.

10 «Не в силах Бог, но в правде; помянем песнопевца Давида, глаголюща: сии во оружии, а сии на конех, мы же во имя Господа Бога призовем, ти спяти быша и падоша».

11 Пелгусий стоял «при крае моря, стрежашеть обою пути, и пребысть всю нощь во бденьи; яко же нача всходити солнце, и слыша шум страшен по морю, и виде насад (судно) един гребущь, посреде насада стояща мученику Бориса и Глеба в одеждах червленых… и рече Борис: брате Глебе! повели грести, да поможем сроднику своему Александру».

12 Подвиги воинов Александра Невского запечатлены в миниатюрах Лицевого летописного свода. Это миниатюры, изображающие подвиги Гаврилы Олексича, новгородца Сбыслава Якуновича, Якова Полочанина, новгородца Миши, и младшего дружинника Савы, и подвиг Ратмира.

13 Вскоре после Невской битвы в устье Ижоры была построена деревянная часовня. По указу Петра I в 1711 году здесь заложили церковь Александра Невского. В 1725 году эта церковь сгорела и была отстроена заново к маю 1730 года. Но и эта церковь с колокольней сгорела в 1797 году от удара молнии, и через год ее отстроили заново уже в каменном виде. В 1934 году храм закрыли, и здание использовалось как клуб и склад. В начале блокады саперы взорвали колокольню, служившую ориентиром для артиллерии немцев. В 1990 году храм был возвращен верующим и отреставрирован. Рядом с храмом в июне 2003 года открыли памятник Александру Невскому (скульптор В.Э. Горевой).

14 Другой аргумент скептиков строится на том, что, дескать, в летописях мало говорится об этом событии, но тут тоже можно напомнить, что и об уничтожении татарами цветущего Киева тоже сказано летописцами немного, но это не умаляет размеров уничтоженного города…

15 Актуальность этого похода диктовалась военной необходимостью. Стратегически чрезвычайно выгодно было создать на территории Новгородско-Владимирской Руси своеобразное предполье католических государств. Напомним, что 9 апреля 1241 года монгольские войска нанесли при Лигнице сокрушительное поражение немецко-польскому войску, в которое входили также французские тамплиеры и рыцари Тевтонского ордена. Считается, что тогда монголы отрезали у убитых врагов правые уши и набили ими девять мешков.

16 Ближе всего к месту Ледового побоища расположено село Кобылье городище (50 километров к югу от Гдова), существующее на месте крепости, основанной в 1462 году. В память 750-летия Ледового побоища в 1992 году в Кобыльем городище установлен памятник Александру Невскому. От прежней крепости сохранилась церковь Михаила Архангела.

17 «Новгородцы осуществили необычный маневр: они отступили на лед Чудского озера «на Узмени у Вороньего камня», – пишет А.Н. Кирпичников. – Туда подошло и орденское войско. Таким образом, место битвы было определено русской стороной с явным расчетом осуществить против немецкого построения, названного «свиньей», маневренный бой одновременно несколькими, по преимуществу конными, отрядами. Судя по указанию источников, создается впечатление, что немецкое войско не разделялось на отряды, а выступало одной сплоченной массой».

18 «И бысть сеча зельна на немцы и на чудь, – говорит житие Александра Невского, – и треск велик от копей ломания и звук страшен от мечнаго сечения… и не бе видети леду: покрыло бо ся кровию».

19 Пскову.

20 Наказывая.

21 Мать Александра Невского Феодосия скончалась еще 5 мая 1244 года, приняв схиму с именем Евфросинии. Ее погребли в Георгиевском соборе монастыря святого великомученика, победоносца и чудотворца Георгия (Юрьев монастырь) под Новгородом, основанном князем Ярославом Мудрым.

22 Согласно русским летописям, Ярослав Всеволодович умер естественной смертью, не выдержав тягот обратного пути, как это произошло с большей частью его свиты еще по дороге в Каракорум.

23 «Сыновци (племянники) свои посади по городом, якож бе им отець урядил Ярослав».

24 Отметим попутно, что мы, осознавая себя наследниками великих созидателей нашего государства, должны ясно понимать, что все те, кто тем или иным способом пытаются разрушить страну, враги не только нашего государства, но и самого Бога.

25 Джон Феннол в книге «Кризис средневековой Руси: 1200–1304» справедливо отмечает, что летописи за этот период изобилуют пропусками «по причине своеобразных последствий горизонтальной системы наследования старейшинства. Тот факт, что титул великого князя вслед за Александром наследовали сначала два его брата (один из которых, несомненно, был настроен враждебно по отношению к нему), затем два его сына, а затем сын враждебно настроенного брата, означает, что отдельные фрагменты личной летописи Александра были сначала уничтожены или исправлены, затем восстановлены, а затем снова уничтожены или исправлены».

26 «Историю Российскую» Василий Никитич Татищев писал в своей подмосковной деревне Болдино, находясь в опале. Только 14 июля 1750 года в Болдино прибыл курьер, который привёз указ, прощавший его, и орден Александра Невского. Василий Никитич вернул орден, сказав, что умирает. На следующий день, 15 (26) июля, он действительно скончался.

27 Бывший печатник князя Даниила Галицкого, митрополит Киевский Кирилл прибыл во Владимир в 1250 году.

28 Городецкий монастырь во имя великомученика Феодора Стратилата основан в 1154 году Юрием Долгоруким. Во время нашествия Батыя, как и весь Городец, монастырь сильно пострадал. Возрождение монастыря связано с обретением в начале XIII века Феодоровской иконы Божией Матери. Монастырь был закрыт в 1927 году. В одном из корпусов бывших монастырских келий расположилась районная колхозная школа, а колокольня стала использоваться под водонапорную башню. Главная святыня Феодоровского монастыря – чудотворная Феодоровская икона Божией Матери, сохранилась и сейчас находится в музее.

29 «Яко же в животе и по преставлении, – свидетельствует «Сказание чудес по преставлении блаженного Александра», – сей чудный самодержец Александр не оставляет, не забывает свою паству, но всегда в нощи и во дни снабдевая и заступая от враг видимых и невидимых... Во преименитом граде Владимире во обители Пречистыя Богородицы честнаго Ея Рождества у честныя раки блаженнаго великаго князя Александра во едину от нощи пономареви церкви тоя спящю в паперти церковней и виде в церкви свещи о себе возгоревшася; и два старца честна изыдоста от святого олтаря и приидоста ко гробу блаженнаго князя Александра и глаголаста: О господине Александре, востани и ускори на помощь правнуку своему, великому князю Димитрию, одолеваему сущу от иноплеменник. И в час святый великий князь Александр воста из гроба и абие со обема старцы вскоре невидимы быста».

30 Как известно, в первой половине XVI века Пахомий Серб составил канон Александру Невскому, а на Соборе 1547 года Русская Православная Церковь причислила его, на основании разысканий о чудесах, им творимых, к лику общерусских святых как нового чудотворца. Общерусская канонизация святого благоверного князя – деяние, относящееся уже напрямую к царствованию Иоанна IV Васильевича Грозного.

31 П.Н. Петров. Истории Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях 1703–1782. СПб, 1884.

32 Известно, что еще в феврале 1722 года настоятель Александро-Невского монастыря, архиепископ Феодосий побывал в Рождественском монастыре во Владимире и произвел освидетельствование святых мощей благоверного князя.

33 По описаниям ковчег был 5 аршин 10 вершков в высоту, в длину – 11 аршин, в ширину – 7 аршин. Несли ковчег 150 человек.

34 Дачниками при Петре звали тех, кто давал взятки.

35 24 мая 2003 года, в канун празднования 300-летия Санкт-Петербурга, в Усть-Ижоре открыли памятник Александру Невскому. Его поставили там, где произошла знаменитая Невская битва, где встречал прибывшие из шлиссельбургского заточения мощи благоверного князя в 1724 году Петр I.

36 «Дело Василия Казанского и других», т.1, л.383.

37 Там же, т.1, л.338.

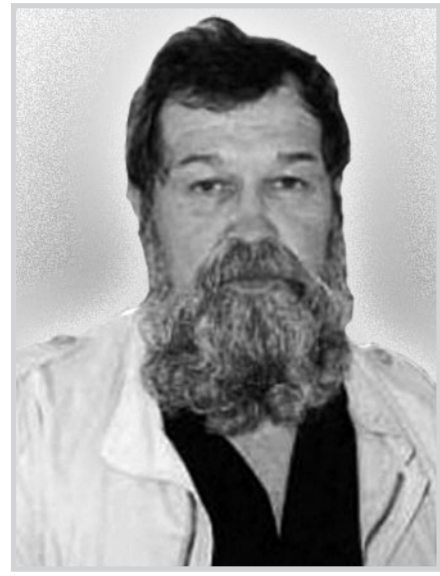
38 «Дело», т.1, л.213.

39 А.Введенский, «Церковь и революция», П., 1922, стр.26.

40 «Дело», т.1, л.411.

41 Ныне – иеромонах Александро-Невской лавры Нектарий.

□

Николай Михайлович КОНЯЕВ

родился в 1949 году в поселке Вознесенье на берегу Онежского озера. Автор книг: «Земля, которая помнит все», «Первые уроки», «Ненайденные клады», «Рассказы о землепроходцах», «О себе Ермак известие дал», «Пригород», «Марсиане», «Гавдарея», «У тихой воды», «Неудавшийся побег», «Гибель красных Моисеев», «Подвиг митрополита», «Путник на краю поля», «Ангел Родины», «Солженицын в обвале», «Аввакумов костер», «Великая северная ревизия» и других. Романы и повести отмечались премией имени Василия Шукшина, премией Андрея Платонова, премией ВЦСПС, годовыми премиями журналов «Наш современник», «Молодая гвардия», «Север», «Студенческий меридиан».